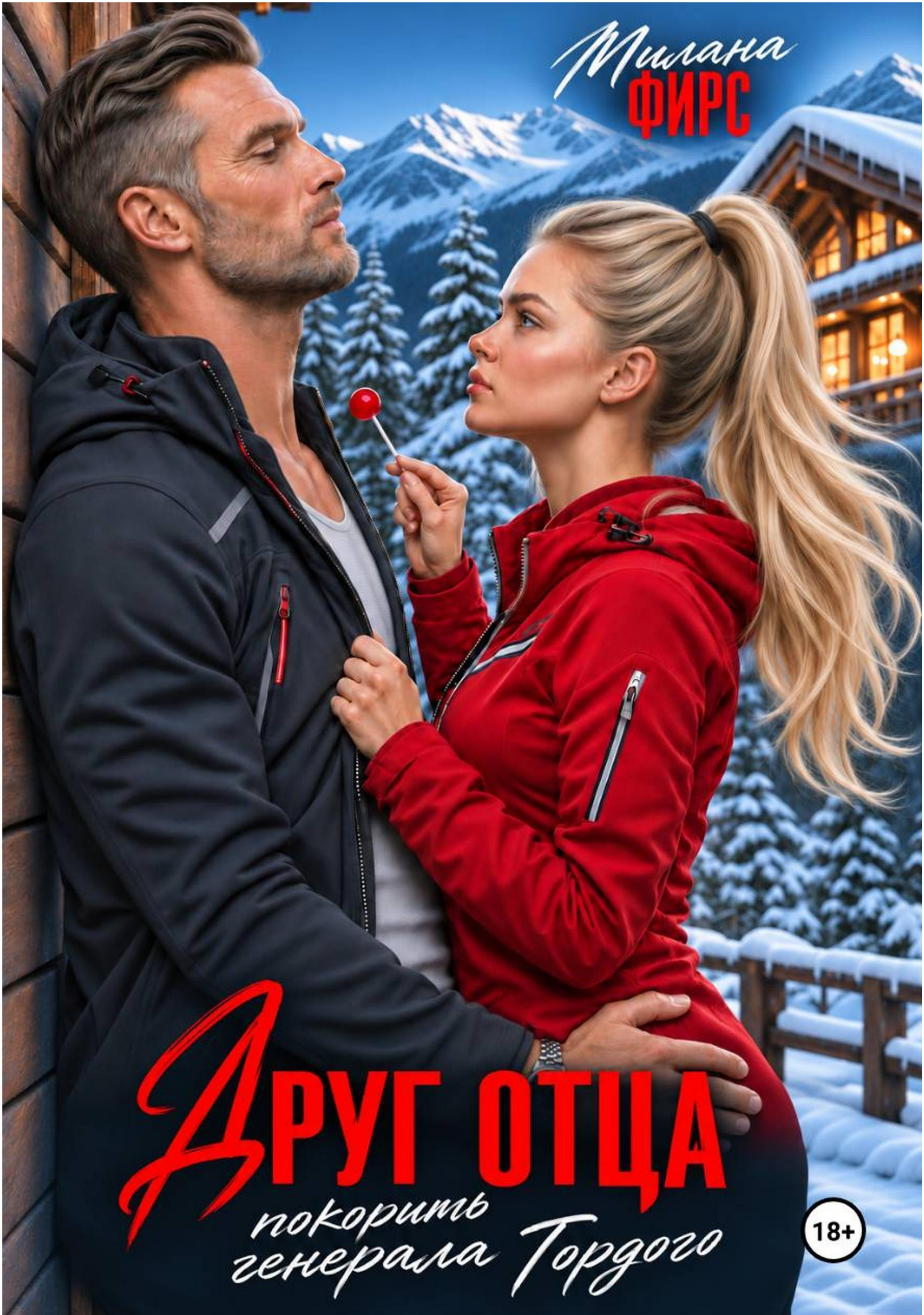

Милана
ФИРС
Друг отца
покорить генерала Гордого
18+

Милана Фирс

Друг отца. Покорить Гордого

«Автор»
2026

Фирс М.

Друг отца. Покорить Гордого / М. Фирс — «Автор», 2026

— Отлично выглядите! — Он обернулся и посмотрел так, словно мне между глаз приставили винтовку и задумались, стрелять или нет. — А что, всех эскортниц разобрали, что вы, вдруг, по старинке, с женой решили прийти? Понимаю, что меня заносит, и он вполне может послать меня, но каком-то животном уровне осознаю: так мой Эверест не сделает. И все равно, когда он делает шаг в мою сторону я невольно отступаю, пока не упираюсь в стену.Огромная, крепкая ладонь ложится на мои щеки, пальцы сдавливают их так, что губы и правда складываются свистком.Ему очень не понравилось сказанное.Дурею, шалею от того, что мне удается дразнить этого мужика. Что я его... цепляю?— Нравится напрашиваться на неприятности?— Скоее дегать тигфа за уфы, — пытаюсь выдать смятыми губами. Он роняет на них взгляд и неожиданно ведет по нижней большим пальцем.А я не придумываю ничего лучше, чем плотного обхватить его губами, облизывая подушечку языком, как чертов чупа-чупс.

© Фирс М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 27
Глава 11 30
Глава 12 32
Глава 13 35
Глава 14 38
Глава 15 40
Глава 16 42
Глава 17 45
Глава 18 48
Глава 19 50
Глава 20 52
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Милана Фирс
Друг отца. Покорить Гордого

Друг моего отца. Покорить Гордого

Глава 1

— Не знаю, Демид. Я б на твоём месте уже давно развелся.

Опрокидываю в себя порцию вискаря, морщусь. Сигарету бы... Бью по карманам и вспоминаю, что вроде как бросил. Игорь протягивает мне пачку, в приоткрытом клапане видно копеечную зажигалку. Привет из голодного прошлого. Помню, в девятнадцать смолили одну на двоих до фильтра, пока руки не начнет обжигать.

— Ты на своем месте разведись, а потом советуй. — Затягиваюсь, прикрыв глаза. Хорошо, твою мать... Хоть на часок почувствовать себя просто человеком.

— У меня дочь. — Игорь тоже закуривает. Откидывает седеющую голову и пускает в воздух сероватый дым. — А тебе тьфу — и свободный человек.

Если бы все так просто. Мы оба женились рано. Игорь на третьем курсе, выбора у него не было — обрюхатил дочку полкана. Тут или женись, или расстрел за баней. А я… дурак был. Тогда считалось модным выпуститься с погонами и женой. Чтоб непременно красавица и за тобой на край света. Большая любовь, дорожная, сука, романтика. Кто б мне сказал тогда правду…

Помотало нас знатно. По общагам, по таким задворкам, что пиздец. Игоря-то тесть сразу пристроил под крылышко, а я гордый был. Хотел всего сам. Столько лет прожёг впустую, а все равно вот где. Большая шишка.

— Зачем мне свобода? Я и так не очень занятой. — Мы с Татьяной давно уж все порешали. Она гулять начала ещё по старой жизни. В отместку, да. Быт нас быстро сожрал. И любовь сожрал, и уважение. Командировки, горячие точки… Сначала не разводились из практических соображений, потом привычка, теперь вот… Я поморщился. Чувство вины неприятно горчило на языке табачным дымом.

— А мне вот тошно. — Игорь налил нам ещё вискаря и свой стопарь хлопнул сразу. — Смотреть тошно, ебать тошно.

— А малолеток не тошно? — Я его тяги на молодых девчонок не разделял и не одобрял. Последние лет пять как он совсем слетел с катушек. Кризис у него, что ли? — Молодишься за чужой счёт? С тобой все ясно, они-то в тебе что нашли? — Хотя выглядел он, правда, неплохо для своих сорока с хвостом. Подтянутый, не разжирел на госдотациях. Спортпит, костюмы дорогие, парфюмчик за десятку.

— Деньги, демон, деньги! — И такой довольный голос, как будто не осточертело ему все на свете покупать. Уважение, баб…

Мне вот осточертело. Может, правда, старость подкралась?

— Знаешь, чего боюсь? Однажды вот так завалиться в клубешник, а там дочка у старпера какого-то на коленях. Я ж его, суку, прям там пристрелю нахер! — Игорь снимает со спинки свой дорогой пиджак, небрежно сует в карман брюк смартфон.

— Самому, значит, можно чужих дочек портить, а свою жалко?

— Что положено министру…

Я качаю головой и залпом допиваю вискарь. Горько от того, во что мы превратились. Игорь может сколько угодно делать вид, что его такая собачья жизнь устраивает, но я-то знаю. Хорошо знаю и его, и себя.

— Танька твоя вчера в «Тонне» сопляка сняла, чтоб ты знал, — Игорь нетрезво гыкает у двери. Горит у него совесть, вот и пытается всех пробить. Мол, не я один грешен, все в дерьме, как черти. И вроде как мне даже плевать. На загоны его, на Таньку тоже давно плевать.

Пару раз ударяю затылком о шершавую дизайнерскую штукатурку. В голове опять на повторе ядовитое:

— А кто виноват, что детей у нас нету? Я? Забыл, из-за кого у меня выкидыш был, Демид? Я на тебя обижаться должна, а не наоборот.

И ведь, сука, права на сто процентов. Нечего ответить. Ни ей, ни совести.

Сорвав со злостью пиджак со стула, подрываюсь следом за другом.

— Игорь! Да не гони так, я с тобой!

***

Нет, я для всей этой хуйни уже слишком стар. Музыка долбит, сам себя не слышу, глаза режет от вспышек. Трясу башкой, пускаю по стойке пустой стопарь. Молоденький бармен ловко его подхватывает и, наполнив, отправляет обратно. Игорь свалил с какой-то девкой уже минут двадцать как. А я смотрю на зверинец вокруг и в душе не имею, почему все ещё здесь. Устал, как ишак. Мне бы в койку и, не раздеваясь, отключиться. Кидаю на стойку наличку с внушительной чаюхой и пробираюсь через плотную толпу полуголых, потных, воняющих куревом и перегаром тел. Мы что, тоже такими были? Да хуже были, чего лукавить...

— Хватит ломаться уже. Сама приехала, терлась сама. Какого хера теперь целку строишь? — Сам не знаю, что меня дёрнуло обернуться. Не мое ж совершенно дело, да и защитник из меня давно никакущий. С совестью я лет …дцать как завязал.

— В твоих влажных мечтах я о тебя терлась, Тимур. Пусти уже, ну!

Сука. Смотрю: Игорева девчонка. Размалеванная, как на колядки, юбка по самый клитор, мать ее. В наши годы путаны скромнее наряжались.

— Руки от нее убрал. — Перехватываю запястье этого сморчка.

— А ты, дядя, шел бы своей дорогой. Вроде ж не папаша твой, а, Кирюха? Твой с Наташкой час как уехал.

— Не папаша… — шепчет Кира, и я неожиданно отчетливо слышу ее испуганный голос в то время, как она только ошарашенно качает головой, а в глазах ужас, как смерть с косой увидела. В самом деле, уж лучше бы Игоря так боялась.

— Ну, раз не папаша, то ты, дядь, иди. Не по годам тебе кукла.

Бесит, бля. Так бесит, что я, не отпуская руки Игоревой дочки, с левой, нерабочей, этому сопляку в башню и саданул. Хер его знает, чего вдруг. Пить, видать, надо завязывать.

Пацан разжал пальцы, повалился, сбивая собравшихся зевак, как кегли. Стал рукавом рожу вытирать. Н-да, нос рихтовать надо будет. Рука у меня тяжелая.

— Шевели своими лабутенами давай, к отцу поедешь каяться. — Не заботясь о судьбе потерпевшего, я потащил Игореву малявку к выходу.

Глава 2

Кира

Поднимите челюсть, Кира Игоревна...

Мысли вдруг прозвучали строгим голосом Верочки, нашей помощницы по дому. Пока Демид (в своей голове я всегда называла его без отчества) тащил меня по неоновым коридорам клубешника на выход, разрезая толпу, словно крейсер океан, я таращилась на его спину, то и дело пытаясь опустить вечно подпрыгивающую юбку.

— Это куда же мы поедем? — пытаясь звучать громче все еще бьющей по ушам музыки, проорала я. — К папуле? Так он это, вы ж слышали, с Наташкой из пятой группы ускакал. Это если вы вдруг запились, вернее, залились или забылись. А вам, Демид Александрович, сегодня Наташки не досталось, да? Или хотя бы Машеньки? — Мне хотелось его уколоть. Знаю, что зря. Эту скалу ни киркой, ни динамитом, ничем не взять. Но отчего-то его похождения меня бесили. Даже больше, чем отцовские. Возможно, потому что он с самого детства был рядом, красивый, статный, самоуверенный. И с возрастом становился лучше, как дорогое вино... хотя нет, как виски или ром. Терпкий, с горчинкой, растекающийся хмелем по венам... Я потому этого мудака, которому он ебальник начистил, и бортовала, слишком он пацан на фоне вот таких, как Эверест. — Или если вечер у вас не удался, то решили его испортить всем? И другу, и мне?

— А я не твой батя, Кира. — Он обернулся, резко затормозив. Я, конечно, не среагировала вовремя и стукнулась ему в грудину. Ощутимо так.

— Ай! — промямлила я, хватаясь за нос. — Я не хотела, — кивнула на смачное красное пятно от помады, что смазанным следом расплылось на белой рубашке. Кто вообще в клуб в рубашке ходит?!

— Давно говорил Сергееву, что он тебя упустил. Большие деньги, Кира, очень портят маленьких девочек. — Он поморщился, рассматривая кроваво-красный след. — Бля, как засос у шлюхи на шее.

— А большие девочки их любят еще больше, — хмыкнула я. Почему-то его замечание задело. Вот вроде бы не обо мне говорил, а сравнение с шалавами зацепило. — Вам ли не знать, Демид Александрович. Квартиры, машинки, айфончики. Небось, квартирка для встреч тоже имеется? Знаю, что у папули такая есть.

— Грязь в дом не тащу. Выебал тихонько в туалете — и прощай, молодость. Ну что ты лупишься так, коровьими глазами своими? Или ты, может, думала, кавалер твой ложе из роз настелет? — Как покраснела под тоналкой, видно не было, а уши порозовели, предательски выдавая стыд от обсуждения этого с НИМ. — Не зависит от возраста, чтоб ты знала. Задрал бы он твой поясок в машине, пихнулся пару раз и все — покатались.

От возмущения я дар речи потеряла. Единственное, на что хватило, — дернуть с силой руку. Он выпустил мое запястье, поморщился тут же, заметив, что на коже остались следы от его стальной хватки.

— Прежде чем взрослых дяденек отчитывать, Кирюха, подумай о себе. Чешется у тебя, так хоть выбирай мозгами, а не дыркой между ног. Такого, чтоб за папкину мошонку не прятался, если вдруг что. А то Наташками пеняешь, а со стороны ну точно такая же. Накрутила себе кудрей, намазалась хуетой какой-то блестящей. Единорог, бля. Розовый. Думаешь, на вот это нормальный мужик клюнет? — Он поддел пальцами край моей юбки.

— Не трогайте, — взвилась я, вновь нервно ее одергивая. Фасон и правда был не так чтоб удачный, да и кожа, хоть и тонкой выделки, топорщилась и норовила подняться по бедрам.

— Задница у тебя не потеет там, под этой броней? — Он изогнул вопросительно бровь. Издевательски так. — Шагай, я сказал, в машину. Кончились пляски на сегодня. Как тебя еще батя не заметил, узнает — на год вперёд будешь под домашним арестом.

— Срал ваш-наш Игорь на все с большой и высокой… Фантазии свои при себе оставьте, если вам «ок» к батарее и прочие извращения. Придумали тоже, — вновь поправив юбку, я остановилась у дверей, сложила руки под грудью, оценивающе скользнув по папиному дружбану взглядом. Хорош, гад…

Поежившись (на улице было ощутимо прохладнее), уже тише выдала: — Домашний арест… Вы мне не папочка!! И вообще, никуда я с вами не поеду. Вы сколько сегодня вылакали?

Бесит! Бесит! Бесит! Демид нахмурился, и мы молча сцепились с ним взглядами. След моей помады на его рубашке смотрелся клеймом. Неожиданно это осознание развеселило.

— А вы потом куда, Демид Александрович? После того, как курьером сработаете, домой? Татьяна как, нормас отнесется? — облизнув губы, кивнула на оставленный мною след. Хер его знает, что на меня нашло сегодня. Я всегда огрызалась в его присутствии, но сегодня… как будто все предохранители разом отказали. — Вы бы это, домой ехали, считайте, справились на отлично, вечер мне испортили, секс проебан, — пусть и не собиралась заканчивать вечер с Тимуркой, но Эвересту об этом знать незачем, — теперь только пижамку, пледик и сериал. Так что вы молодец, да.

Глава 3

Демид

— Не твое дело, Кирюх. Не доросла ещё мне нотации читать. Свою меру знай и уже хорошо будет. — От малявки явно несло спиртным. И мне это не нравилось. Потому что она Игорева дочка. Потому что её по пьяни чуть не раскатал какой-то прыщавый мажор. И ведь ладно б по обоюдному согласию. Это она сейчас мне в глаза заливает про «хотела очень». Я же слышал своими ушами: заднюю дала, а пацан тот уже все — кровь с мозга в штаны спустил. Вроде не мое дело, а хотелось снять ремень и отходить ее хорошенько, раз Игорь не сподобился вовремя.

Чтобы как-то успокоить злость, я стал смотреть в серое, грязное небо. От городской подсветки оно вечно маралось, как тряпка уборщицы в супермаркете. Никогда не было ни насыщенно-синим, ни мерцающим. Я снова перевел взгляд на боевой раскрас Игоревой пигалицы. Тоже измазалась клубным светом и этими безмозглыми прожигателями жизни. А все туда же: кайф ей обломали. Неужели и я в юности таким безмозглым был? Меня ж за то мамка и пристроила в суворовское. Не справлялась одна без мужика. Школу я прогуливал, курить начал за гаражами в 10 лет. Тоже все мужиком себя мнил. Грубил ей, сука. А потом на могилке прощения вымаливал. На хуй ей тогда уже были мои извинения. Ни к селу ни к городу.

— Да вам-то какое дело, Демид Александрович, с кем и где я люблюсь? Мне, между прочим, уже восемнадцать есть, а сексом заниматься гинеколог велел для здоровья.

Я покачал головой. Хер там ей кто велел. А если и так, то рекомендации врача тоже неплохо бы с умом исполнять:

— Я ж о тебе, дуреха, пекусь. Пизду, Кира, порванную зашить не проблема в наше время, а для души пластических операций не придумали. Если мнишь себя взрослой, так поступи как взрослая. — Я вытащил смарт и вызвал такси. Может, душу я давно пропил, а мозги пока при мне. Бухой за руль ещё ни разу не сел. Запомнив номер тачки, я протянул ей платок из нагрудника. — Рот вытри, и чтоб я от тебя таких слов больше не слышал. Если ты уже такая взрослая, то веди себя как женщина, а не как соплячка. Знаешь, что женщину от давалки дешёвой отличает? Умение базар фильтровать. Знать, как и с кем говорить. Поняла?

Ещё мне пигалица не читала лекций, как семейную жизнь строить. Было б чего там сохранять, я б, может, и подумал.

В голове всплыли слова Игоря про Таньку. И пигалица его туда же — нос в чужие дела сунуть. Охреневшая вкрай.

Дождавшись такси под недовольное пыхтение Сергеевой девчонки, я открыл заднюю дверь.

— Считаю до трёх и запихну внутрь, как мешок картохи. — Кирюха фыркнула, но втиснулась в проем, вечно неловко одергивая свою юбку-пояс. Как будто есть там что поправлять. Тяни сколько влезет, а накачанная фитнесом задница влезла едва-едва. И при должном усилии попросту разорвет швы на этой тряпице.

Трусы-то там хоть имеются?

Хер его знает, с чего я вообще этим вопросом задался, но, сев рядом с находившейся Кирой, невольно косил взглядом в поисках подтверждения или опровержения своей догадки.

Дожили, твою мать. Проверяю, есть ли трусы на дочери друга. Да я ее и без трусов помню, и в памперсах. А тут ни с того ни с сего.

Кира

— Ты сегодня рано. — Вера заняла соседнее с диваном кресло. — О как, неожиданно, — кивнула на экран ноутбука. Хоть в гостиной и висела выгнутая плазма, как-то с ноутом мне было уютнее, что ли. — На классику потянуло? Почему «Красотка»?

Пожав плечами, я поджала под себя ноги, наблюдая, как Вив пошла шопиться и из потаскушки превращалась в леди.

— Вер, а чтобы статусного мужика привлечь, обязательно надо вот это все, гуччи-шанель? У меня ж их целый шкаф есть.

— Да откуда я знаю, — Вера рассмеялась. — Мне бы ваши печали, Кира Игоревна... Мужик — это для тебя сколько, лет двадцать пять?

Не говорить же ей, чтоб прибавила еще пару десятков. Да и вообще, с каких это пор я на Демида, мать его, Александровича начала с такой стороны смотреть?! Хотя я знала ответ. Вот этот его взгляд пренебрежительный, нравоучительный тон, презрение... хотелось щелкнуть его по носу.

— Дело ведь не в шмотках, — Вера пересела ко мне. — Дело во вкусе и в возрасте.

— А это-то тут при чем?

— Когда мне было столько же, сколько и тебе, я тоже носила вот такие юбки, — экономка провела ладонью по стройному, обтянутому серой форменной юбкой бедру, — а кофточки с вырезом до самого пупка и голая спина впридачу!

— С трудом представляю. — Элегантная, выдержанная, степенная Вера никак не вязалась у меня с роковой красоткой.

— Я тоже! — она расхохоталась, расслабленно опустив голову на спинку дивана. — Но всему свое время, Кира Игоревна, — протянув руку, Вера ласково погладила меня по щеке. — Или что, твой «статусный мужик» требует серьезного подхода?

— Он не мой. — Ты даже не представляешь, насколько.

— Хочется это исправить?

— Может быть...

— Ну ты подумай. Главное, не потеряй себя, милая. Меняться ради мужика — так себе затея.

— Может быть…

Глава 4

Демид

— И где ты был? — Сбросив пиджак ещё в прихожей (Танька требует называть ее холлом), я на ходу расстегиваю рубашку. С одной стороны, хер я клал, что жена подумает насчёт помады этой блядской, с другой, я спать хочу, а не разбор полетов.

— Отвозил Игореву малявку домой из клуба.

Вообще не ясно, какого хера Танька вдруг задалась вопросом, где я и что со мной. Иногда мне казалось, что жена вообще не замечает мое присутствие. Вернее, мое отсутствие. В том числе ночами. Кире я приврал, конечно. Трахать малолеток в туалете давно не мой формат. Перерос. Я теперь за комфорт.

Стареешь, Гордый.

— Он сам не мог?

Татьяна идёт за мной следом. Аккуратный домашний костюм, красивое тело. В сорок она вдруг познала радости спорта, массажей и прочей ерунды. Выглядит хорошо, не поспоришь, но…

Не торкает меня. Вот вообще.

Захожу в ванную, Танька следом. Бросив грязную рубашку на пол, вопросительно изгибаю бровь, пристроив свой зад на край бадьи. Очередная дизайнерская чушь. Неудобная совершенно.

— Хочешь, спинку тебе потру?

— Да я как-то давно справляюсь сам.

Танька скользит по мне взглядом.

— Ты же пьяный, Гордый.

— И что?

— И даже бухой меня не хочешь?

Сука, вот выбрала же время. Скандала, что ли, давно не было. Острых ощущений не хватает?

— А что, полбутылки водки делают мужика всеядным, по-твоему?

Сорвалось. Виноват.

Лицо Таньки сереет. Знаю я, что мудак. Не хер было начинать, лег бы спать и вся недолга.

— Слушай, Тань, — стараюсь добавить голосу мягкости, тру шею, но бухло и усталость качественно отключают мозг. — Может, правда, разведемся, а?

— В каком смысле разведемся? — И ведь как будто правда удивлена.

— В прямом, Тань. Ну что мы в самом деле. Мы ж давно уже не семья.

Моргает быстро-быстро, обнимает себя за плечи. Как тогда, в юности. Я на эту вот трогательную хрупкость и повелся. Защитничек хренов.

— Это ты из-за детей, да? — Голос дрожит, глаза на мокром месте. Запрокидываю голову, разглядывая натяжной белый потолок. Шесть светильников. Один не работает. Вот дёрнул же меня черт за язык.

— Да при чем тут дети, Таня. У тебя своя жизнь, у меня своя. Разойдемся как люди, а? Если ты за это переживаешь, — кивнул в зеркало на шикарный ремонт, — дом, машину — все тебе оставлю. Откупные тоже.

— Мудила ты, Гордый. — Танька растирает по роже слезы. Вместе с тоналкой и тушью. — Не хочу я твой развод!

— А чего ты от меня хочешь, Тань? — Я так устал, что уже даже психовать сил нет. Сначала эта малолетка скороспелая нервы делала, теперь вот продолжение банкета. Татьяна подходит ближе, укладывает мне руки на плечи. А я, сука, ничего, кроме брезгливости, не испытываю. И вроде бы сам не чистенький, но как подумаю, сколько она наблядовала за эти годы, все опускается.

— Тебя я хочу, Демид. Тебя.

Останавливаю заученные движения рук. Не даю дотянуться до загривка: знает, как я люблю, зараза. Только поздно теперь уж.

— Сказал же, что не хочу. Гордость у тебя есть?

— Нету, Гордый. — Она морщится, руки безвольно свисают вдоль тела. — Все ты вытоптал.

Выходит, закрывает дверь. Хватаю с раковины стакан для щеток и запускаю следом.

Как меня, блядь, все достало.

Глава 5

Гордый утро следующего дня

— Стареешь, брат, — Сергеев хмыкает в сторону таблетки аспирина, я жадно заглатываю воду, аж кадык скачет по горлу мячиком для пинг-понга.

— Может, тоже с молодух соки начать пить?

Игорь откидывает голову и ржёт.

Как пацан ржет, но смех его едкий. И я знаю, что укол пришелся в межреберье. С годами наша дружба стала такой… кусачей. Окрепла, как вискарь. Горчит, но ты всё равно присасываешься каждый раз. И ещё тянет.

— Вчера твою девчонку из клуба домой увез. — Смех прерывается. Игорь вскидывается весь, как когда-то по окрику «смирно», щурит свои темные глаза.

— Что она?

— Да сопляк какой-то ее теснил, я вписался. Еле утолкал в машину. Норовистая дочь у тебя, Сергеев.

— Сопляк, значит, — Игорь расслабляется мгновенно. Как будто малолетка меньше его девку обидит, чем взрослый мужик.

— Это все, что тебя заботит? — В его кабинете все такое дорогое, что первое время мне было страшно задницей кресло осквернить. За годы попривык, сам нормально стал зарабатывать и теперь, сидя на диване, бессовестно закинул на кофейный стол ноги, оставляя на полированном стекле следы от оксфордов. — Размалеванная вся, юбка еле зад прикрывает… Обтянула все стратегические места, аж всем видом на грех просится. Ты куда смотришь? На Натах?

Игорь зачем-то хватает со стола ручку.

Дорогую, как все в его престижной жизни. Сжимает так, что та вот-вот треснет. Аж стонет в его руках, как баба под жёстким трахом.

— Мода сейчас такая, Гордый. Мо-да. Они все так наряжаются. Перебесится, какие ее годы. — Откинув ручку, Игорь садится в кресло. Я б сказал, падает, прогибает своими «девяносто плюс» кило натруженной мышечной массы и пилит меня недовольным взглядом. Знает же, что я прав. Что мода-хуеда, а девку упустил. Я б спать не мог, если дочка не дома ночует, а этот, небось, даже ни сном ни духом.

— Да при чем здесь мода, Игорь. — Поднимаюсь, отхожу к окну. Опять роюсь в карманах, а курева нет. За толстыми стеклами город как из картинной рамы. — Помнишь, о чем мы мечтали?

Игорь оборачивается:

— Я всего добился, о чем мечтал. — Он довольно обводит рукой кабинет. А я морщусь от этого жеста. Ведь помню его, сука, другим. Или память с годами врёт?

Город передо мной похорошел. Расцвел. А я что? Скурвился. Оба мы скурвились. Что осталось от того парня, что прыгал в синее море? Говорят, служба портит людей, делает бездушными, черствыми. Не знаю. Меня испортила власть. Деньги, вседоступность и вседозволенность.

— Ты бы хоть съездил с ней по ТЦшке, пусть бы прикупила нормальные шмотки, чтоб не быдло на задницу ловить, а нормального кого. Ты ж мужик со вкусом, Игорь.

В отражении стекла вижу, что он отвернулся снова ко мне спиной. Как ему вот так сидеть к окну? Я б не смог.

— Ну так съезди, раз сердобольный. У тебя всегда вкус был ого. — В голосе сталь и недовольство. Задел я его хорошо, хоть и не признается. — Карточка у нее безлимитная. Бери и наряжай.

— Откупаешься?

Игорь вскакивает, подлетает ко мне за секунду, и в какой-то момент кажется, что сейчас срубит апперкотом. Но нет. Руки в карманы спрятал и скрипит отбеленными зубами.

— Пусть невиновный кинет в меня камень. — Он усмехается, а у меня, сука, так печет под лопаткой. И в голове на повторе: «Тебя я хочу, Демид».

У Таньки-то тоже безлимитка давно…

Кира

Я надеялась застать отца одного. Но, слыша муращащий, с легкой хрипотцой голос, обрадовалась. Так даже лучше.

— Доообброое утрооо, пап! — влетев в кабинет, не то улыбнулась, не то оскалилась. — О! Демид Александрович, какой сюрприз! Знала бы, что и вы здесь, захватила бы напиток богов и вам.

Они оба стояли у окна и хмурились. Два элитных самца-блядуна. Я знаю о похождениях папика, и мать знает, и даже Вера. Вот ей, пожалуй, больнее всего. Есть у меня подозрения на этот счет...

— Кира, а ты чего... — отец скользнул взглядом по моим коротким домашним шортам и тонкой шелковой маечке, — так рано?

Грудь у меня не была большой, в дополнительной поддержке не нуждалась, да и вообще... я же дома, в котором, ко всему прочему, редко когда бывают гости, еще и утром! Поэтому чаще всего я ходила без лифчика... и сейчас мои торчащие пиками соски таранили тонкую ткань, целясь в рожи двум старперам. Даже неловко стало. На Демида я старалась вообще не смотреть.

— Целительницей подрабатываю, на, — сунув отцу склянку с витаминной бормотухой, сложила руки на груди, прикрываясь. — Пить не очень приятно, зато будешь огурцом. Как там Наташка?

Отец, пивший мое подношение, закашлялся.

— Демид Александрович! Что ж вы столбом стоите, помогите другу! — Я подошла к папе и приложилась пару раз ладошкой по спине, помогая прокашляться.

— Кира! — Красный как рак отец сурово сдвинул брови. — Смотрю, Демид прав, ты что-то берега совсем попутала.

А Эверест молчит, мазнул взглядом и все. И от этого прямо загорелось внутри докопаться до него. Есть же там живое хоть что-то, чтобы зацепить?

— О! Так он уже помог? — Я наконец-то рискнула посмотреть в глаза своему Гордому. Там... бушевал ураган, не меньше! Гром и разряд молний ерошил волоски на теле, мурашил кожу и заставлял сердце пускаться в дикий, безумный галоп. — Приехали с докладом, как вырвали цветочек из хищных лап грязного молокососа? — Ночью у меня созрел план, гениальный в своей простоте! Раз гора не идет к Магомеду, то, собственно...

— Фильтруй базар! — рявкнул отец, грохнув стаканом о столешницу. — Ты когда этого всего набралась?! Имей уважение и...

— Пап, ты это и Наташке рассказываешь, когда она... ну, — я сделала жест рукой и языком, имитируя отсос, — когда ты ей на рот накладываешь?

— Убью! — рявкнул отец, надвигаясь. — Мелкая засранка, я тут упрашиваю, с ней по магазинам! Карту безлимитную потрошить, рассказываю, что возраст у тебя, а ты... да я ее к херам закрою, платину твою! Сидеть дома будешь и, — он повторил мой жест, — чупа-чупс сосать, только на него денег и хватит!

— Манипуляции, значит... — Я хищно прищурилась. — Вот так те бляди с тобой и оказываются! Думаешь, ты им нужен? Богатый, красивый и здоровенный? Класть они хотели на тебя, пап. Заберешь карту, так я и себе папку заведу. Хоть бы вот, какой самец под боком! А, Демид Александрович, возьмете девушку в беде под крылышко? Что там у нас: магазины, курсы примерного поведения, верховая езда? — Я поиграла бровями. — Я быстро учусь, особенно если учитель хороший! Вы же хороший учитель, да? Научите меня?

Глава 6

Демид

Ну ни хера себе явление Христа народу. Игорь явно прихуел с порога, стоило дорогой доченьке рот открыть. Полагаю, это исключительно в свете нашей беседы. Так бы, без свидетелей, спустил опять на тормоза. Чую жопой, подобный разговор у них не первый в жизни. Значит, Сергеев вовремя дочурке границы дозволенного не обрисовал.

В дом к Игорю, бывает, заходят и друзья его многочисленные, и партнеры. А тут пигалица соками на пол капает. Среди всех этих гостей надежных — кот наплакал. Значит, за зад свой Сергеев боится уж который месяц, а эту брешь прикрыть не довелось? Твою мать, запретил бы при таком раскладе даже из комнаты вот так, без халата выходить. Соски торчат, грудь трепыхается, а когда наклоняется отцу стакан протянуть, так вообще всю насквозь, до пупка, видно. Усмехнувшись, отвожу взгляд. Исключительно из уважения к другу. Пиздец дочурка. Может, и хорошо, что мне бог детей не послал. Не дай боже вырастить такую же.

Это ж надо бате да такие вещи. Совсем страх потеряла девка. Какая там карта и шоппинг. Ремня эта голая задница просит. Я бы вот с удовольствием отходил. Даже штаны снимать не надо. Что там эта тряпица, у меня труселя и те плотнее, чем ее недоразумение. Постеснялась бы хоть перед отцом ляхами светить. Дура.

— Побрезгую. — Вот, оказывается, чего Игоря так дергает на мысли «Кира и старикан». Не первый раз грозится дочурка.

Оба поворачиваются ко мне возмущенные. Что дочь, что отец. Даже не знаю, чего, блядь, больше хочется: заржать или настучать обоим по головам.

— Я, Кира, привык ко всему самому лучшему. И если рядом со мной женщина, то такая, которую не стыдно в приличном обществе показать. Умная, воспитанная, со вкусом. И язык свой не только вот сюда умеет прикладывать. — Толкаю изнутри языком щеку, та надувается туда-сюда. Кирюха краснеет. Не успела штукатуркой зачатки интеллекта на роже замазать. Осталась там, оказывается, совесть еще… грамм двести.

— Ты мою дочь ща дурой озабоченной назвал? — Игорь моментально забывает про доченькин косяк и чернеет рожей. Бычится, как на красную тряпку, да со мной «прием для подчиненных» давно не катит. Подняв брови, демонстративно медленно скольжу взглядом по ее фигурке. Ладная, не поспоришь. Но подано так все, что себе оставьте это блюдо. Вдруг приходит в голову мысль, что при должной упаковке эта конфета получше любого чупика б зашла.

— Лично мне ее страшно людям показать. Как откроет рот — стыда не оберешься. — Игорь сжимает кулаки на краю столешницы. Кира вспыхивает, подкусывает губешку свою. Ненакрашенную. Гораздо сочнее, кстати, чем с мазней поверх. Кто им вообще сказал, что мужики любят химию слизывать? — Если инвестировать бабло в бабу, так хоть в такую, которая твой статус поднимает. И все остальное тоже.

— Он меня, пап, шалашовкой копеечной обозвал. Натыкивать ему мне мерзко, — хмыкнула Игоревна бесстыжая. — Видишь, как тест на лояльность прошел, дружбан твой. Можешь смело меня с ним в огонь, и в воду, и в медные трубы. Срать на одном поле не сядет. Только вы,

Демид Александрович, не забывайте, кукла заводная и красивая у вас уже есть: «Наша Таня горько плачет, уронила в речку мячик...» Есть вам с кем и выгуливаться, и кому по команде рот открывать. Вот ее на выставку, людям показать и водите. Она ж вам все поднимает, да? И статус, и все остальное?

Я с трудом удержался, чтобы не намотать этот крысиный хвост на кулак и не отходить прям пятерней по заду. То, как Игорева соплячка пренебрежительно обо мне отзывалась, вообще не трогало.

Но Татьяна…

Пусть с женой у нас давно отношения номинальные, и все равно в глазах людей она моя женщина. Фамилию мою носит, кольцо. Значит, под моей защитой. А я стою, как хер лысый, и слушаю насмешки от Лолиты невоспитанной…

Кому ты врешь, Гордый. Правда глаза колет? Ты ж сам виноват, что Таньку вот так полощут за глаза. Шила в мешке не утаишь. А какая, мать твою, была любовь…

Я вспомнил, как кружил ее на руках в цветущем яблоневом саду. Мы женились в мае. Все говорили, что примета дурная. Мол, маяться всю жизнь. Я что тогда, что сейчас в приметы не верил, но…

Танька была красивая. Меня аж трясло, когда предложение ей делал. Думал, что сдохну на месте, если откажет. А теперь что? Куда все это делось, сука... Как же мы все это просрали, что мне домой приходить тошно. Сутками готов работать, только бы не идти туда. Не видеть ее и глаза эти обвиняющие. И губы поджатые.

— Кира... — Сергеев поморщился, как будто ему кости без обезбола вправляли.

— Я всё, откланиваюсь. — Дура эта малолетняя присела в старомодном поклоне. В трусах ее новомодных смотрелось тупее не придумаешь. — Не поминайте лихом... ах да, вам же противно. Значит, вообще не поминайте.

Выскочив из кабинета, она с силой громыхнула дверью. Стиснув в карманах руки, я смотрел, как вертлявая, явно накачанная спортзалом задница выплывает из кабинета. Дай тебе, дуреха, бог никогда не познать все то, о чем мелешь. Пусть тебя, идиотку, сбережет.

— Ты как знаешь, Игорь. Если тебе нравится слушать, то на здоровье. Пусть полощет и тебя, и жену твою, но ещё раз рот откроет про Татьяну, хоть что неуважительно скажет, я ее своим армейским ремнем выпорю, так и знай. И хер я клал, чья она дочка.

— Ты не заговаривайся, Гордый. Мою дочь ты не тронешь. — Наступает на меня, глаза навыкат. — Она ведь правду сказала. Про Татьяну-то. Думаешь, Кирюха одна все вот это? Вокруг люди, поди, тоже не дурачье, а?

Сука, как чесались руки ему морду начистить. Был бы праведник меня учить, а так… сам как свинья в той же грязи извалялся.

— Кто безгрешен, пусть первый кинет в меня камень. — Спецом, мать твою, твои же слова и возвращаю, Сергеев. — Но в следующий раз, когда твою дочурку на клубном столе, пьяную, на троих пустят по кругу, как бутылку водки, я не вступлюсь.

— Это что? Детские обидки? — Игорь скривился. Прекрасно ведь понимал, что перспектива вполне вероятная. Слишком быковатая девка у него. Такую пообломают, что потом себя до пенсии не соберёт.

— Нет, Сергеев. Чтобы чью-то честь защищать, она у этого кого-то хотя бы должна иметься в наличии. Так что уволь.

Я кивнул и вышел. Без всей этой хуеты дел столько, что ни поспать, ни поесть. Пусть сами разбираются со своим гадюшником.

Глава 7

Кира
Несколько дней спустя

Бесит! Бесит! Бесит!

Я, видать, действительно дура полная, раз решила играть с этой скалой бесчувственной в игры. Права Вера, нечего и пытаться подстроиться и соответствовать. Я ему что, собачка на выставке, в самом деле?! Козырь уже давно пороги оббивает, цветы, ухаживания, все красиво. Из приличной, как говорит папа, семьи. Чего я, в самом деле, увязалась за этим Эверестом?

— Кира Игоревна, — мягкий голос Веры вырвал из скорбных мыслей.

— Ась?

— Ты так воинственно ногами топаешь, что мне аж страшно. Кого ты убивать идешь?

— Свои несбыточные мечты. — Я криво ухмыльнулась.

— Знаешь, малыш, некоторые мечты тем и хороши, что остаются мечтами.

— Вот и я так подумала. — Отчего-то захотелось плакать. Стало очень жаль себя. — Пойду на свидание с Максом. Сегодня.

— Да ладно?! Неужели младший Козырев наконец-то замечен и получил шанс?

— Пока что просто замечен. Насчет шансов - посмотрим.

С нашей беседы в отцовском кабинете прошло несколько дней, но стоило вспомнить слова и рожу Гордого, злость и обида снова разгорались внутри. Я ничем не заслужила, чтобы со мной так разговаривали.

Тем более он!

Я же помню, как раньше было. Как он приезжал в город, с командировок своих, всегда заходил к отцу. Они курили вот тут, в гостиной, пили, а я крутилась рядом, и Демид никогда не отказывался ни кукол моих рассмотреть, ни показ мод. Даже концерт на стуле слушал как Дед Мороз. С такой теплой улыбкой, какой я от отца, кажется, и не видела в жизни.

Весь день и вечер прошли в мыслях о друге отца и как я докатилась до всего этого. Пожалуй, Макс и правда поможет мне вынырнуть из фантазий в реальность.

К назначенному времени он явился как штык.

— Очень здорово выглядишь. — Козырь бегло осмотрел меня, оставшись доволен, сконцентрировался на лице. Как порядочный мужик, да, а не... мудак.

— Спасибо. — Я мило улыбнулась, проверяя, не распалась ли прическа. Как будто бы небрежный «конский хвост», но каждая прядка на своем месте.

Такой ты меня хочешь видеть, Эверест? Поморщилась, рассматривая аккуратный, едва заметный макияж, изысканные украшения и черное в мелкий горох платье, а-ля привет из шестидесятых. Я знаю, как надо одеваться, чтобы понравиться Козыревым родителям. Да я им и так давно нравлюсь. Мать Козыря и моя чуть не с горшка нас сватают. Бесит, честно говоря, жутко. Но Козырь нормальный, не из этих…

— Джокер, в чем дело? — Макс нахмурился, назвав меня ходившим между нами прозвищем. У кого-то «малыш» и «солнце», а мы продолжили тему игральных карт. Я ему сказала, что когда-нибудь он станет моим козырем, на что Макс усмехнулся и прозвал джокером.

— Джокер — самая загадочная и сильная карта колоды, Кира, — объяснил он, — в разных играх разыгрывается по-разному. В одних он определяющая карта, в других его вообще не задействуют. Но чаще всего джокера используют взамен любой другой карты, даже самой сильной.

— Эх, а я думала, мы в таро ударимся и ты мне про шута напомнишь. Им позволялось болтать все на свете, даже очень опасные вещи под предлогом шутки.

— Ты этим умело пользуешься, я знаю, — не оценил Макс. — Но в нашем раскладе я надеюсь на другое...

Заметив мое выражение лица, Макс нахмурился и легонько притронулся к моему локтю:

— Эй, все нормально?

— Да. — Я вынырнула из воспоминаний, лучезарно улыбнувшись, влезла в лодочки на высоченной шпильке. — Много народу собрали твои?

— Честно говоря, не знаю. — Попрощавшись с Верой, Макс вывел меня к поджидающему на аллее авто. — Побудем немного, а потом можем в «Дискавери» рвануть?

— Шутишь? Посмотри на эти орудия пыток, — усевшись в машину, я кивнула на свои ноги. А самой в голову невольно недавние картинки. Вот я в такси, сижу, чуть не вжавшись в двери. Слева горячее бедро Гордого. В машине пахнет алкоголем и его парфюмом. Он смотрит с отвращением… Оборачиваюсь. Козырь улыбается. Тепло, как влюбленный…

Влюбленный и есть.

— Вожу пару найков в багажнике. Традиционно.

— Ты ж моя радость! — Я захлопала в ладоши, с готовностью убегая от неприятных воспоминаний. — Тогда можно и в «Дискавери». Если никто не испортит настроение... — Я запнулась, покусала губу и все же уточнила: — Ты не знаешь, Гордых, случайно, не будет?

Козырь рассмеялся.

— Возможно, ты и тарошный шут, Джокер. Гадалка еще та. Гордых старики первыми пригласили, ты ж знаешь, у мамы с Татьяной дружба на века.

Блеск. Зашибись, мать твою.

Глава 8

Демид

— Тань, ну ты готова? — Заглядываю в спальню, сидит в халате ещё. Платье на спинке стула, взгляд пустой.

— Не хочу я никуда идти, Гордый. Соври, что нездоровится. Что мне там делать?

— Ну как что? Там же все будут. И Козыря жена, и Сергеева, и Власовы. Вы же вроде дружили?

Она поднимает на меня насмешливый взгляд.

— Знаешь, какая у нас дружба? На фоне общей беды.

Подпираю плечом дверной косяк. Интересно девки пляшут.

— Что ж там за массовая печаль такая?

— Несчастная любовь, Гордый. Безответная.

Мне аж рассмеяться хочется сначала. Ну какая, мать твою, любовь. Где она осталась? В лихих девяностых? Но так она смотрит, что смех в глотке застывает. Сажусь рядом. Танька замирает, как статуя у театральной колонны. Мраморная, бесчувственная. Смотрю на нее, и сами собой на ум лезут насмешки Игоревой пигалицы.

— Тань, давай сходим, а? — Она оборачивает ко мне лицо. Морщинки все равно видно, хоть и зачастила по своим косметологам. И глаза такие усталые, грустные. Не молодые глаза. А как сияли когда-то. Казалось, выключи свет, и все равно будет как днём от ее взгляда.

В который раз задаюсь вопросом, куда все это делось-то. Почему? Кто из нас не доглядел?

— Иди один, Гордый. Скучать тебе точно не дадут. — Она тянется, поправляет воротник. Галстук я не повязал, не прием у губернатора, поди. — Ты мужчина видный, один в сторонке весь вечер не простоишь.

И так мне тошно от этих слов. Прям как ножом под ребра. И никак, сука, не могу отделаться от мысли, что все это я. Взгляд этот потухший, седина, морщины… все моими руками сделано.

— Мам, почему у Лехи мамка тебя старше, а как будто молодая? — Мне лет десять всего, но разницу между ухоженной Лехиной мамкой и своей натруженной вижу хорошо и четко. И мне не нравится эта разница.

— Понимаешь, Дёма, Лёшина мама замужем. А я одна.

— Так разве оно не легче одной?

— Не легче, сынок. Ты запомни на потом. Женщина — она как цветок. Будешь хорошо заботиться, долго цветет, пахнет вкусно, глаз радует. А если ни воды ему, ни света, ни слова ласкового — зачахнет.

Танька сдувает пылинки с моего плеча. Пальцы холодные, дрожат. Ловлю ее ладошку. Кольцо дорогое, бликует от потолочных светильников.

— Давай сходим, Тань. Вместе.

Она вздрагивает от тона, хмурится. Как будто не верит. Я поднимаюсь, чувствую себя редким козлом. Совесть, что ли, проснулась? Иду к ее шкафу, матерясь, перебираю вешалки.

— Наденешь это? В нем у тебя глаза как звёзды светятся.

Танька, чуть наклонив голову, молча смотрит то на руку мою, то на вешалку. Прям вижу, как раздумывает. А глаза, в самом деле, как подсветил кто. Правду, видать, говорят: ласковое слово и кошке приятно.

— Если оно тебе больше нравится… — Танька встаёт, забирает платье из моих рук. Чуть заметно, неуверенно улыбается. А мне так паршиво от этого на душе. Хоть наживую грудину дери руками, чтоб выкорчевать неприятное это чувство.

И в голове опять:

«У вас же есть кукла, чтоб наряжать и в свет выводить».

А Татьяна уже халатик свой скинула и юркнула в платье.

— Поможешь застегнуть?

Молча подхватываю бегунок, смотрю, как он сцепляет между собой зубья молнии, скрывая перемычку от лифчика на спине, а кроме горечи и гадливости от себя такого ничего не чувствую. Хотел бы, сука. Хотел бы…

Закрыв за женой пассажирскую дверь, обещаю себе быть на этом вечере хорошим мужем. Хоть разок не свой статус за ее счёт поднять, а ее в глазах этих кур размалеванных чуток повыше посадить.

— Только давай недолго, Гордый. — Танька смотрит в окно. Ровная спина напряжена, плечи каменные.

— Уедем, как только захочешь.

Она удивлённо оборачивается:

— Правда?

— Правда, Тань.

Жена кладет мне ладонь на колено. Как раньше, в молодые годы. А я даю по газам, чтоб быстрее доехать до дома Козыря. Жжёт мне ее ладошка. Хоть ты, сука, ори.

Глава 9

Кира

— Кира! Отлично выглядишь! — Инга Сергеевна, мама Козыря, расцеловала воздух у моих щек. Хотелось поморщиться, терпеть не могу вот это лобызание понарошку. — Я так рада, что ты согласилась составить Максу компанию!

— Спасибо, вы сегодня главная звезда вечера, — озвучила правду. Родители Козыря как будто застряли во времени. Они оба светились каким-то неподдельным счастьем, любили сына и держались действительно семьей. Хотя не гнушались вот такими показными вечерами с кучей условностей и пропитанными лицемерием. С волками жить — по-волчьи выть, да? — А вечер, вы же знаете, Макс уговорит любого. Скилл прокачан на восьмидесятый лвл.

— В таком случае когда же он сокрушит твои бастионы? — поддела Инга. — Я опасаюсь, что светит ему только френдзона...

— Мама! — фыркнул Козырь. — Ты совсем не помогаешь, вот так туда можно загреметь окончательно!

— Бастионы, — цокнула я, — у каждого есть сво...

— Добрый вечер, — прозвучало за спиной знакомым голосом, и все волоски на моем теле встали дыбом. — Смотрю, мы как раз вовремя.

Черт. Черт. Черт.

Я предполагала, что чета Гордых будет на вечере, но надеялась избегать близкого контакта на максимум. И чтооо?!

— Демид, Таня! Я так рада, что вы приехали, — улыбнувшись и сжав мою ладонь, хозяйка вечера переключилась на вновь прибывших гостей.

— Демид Александрович, Татьяна Викторовна, — переплетя наши пальцы, Козырев развернулся к гостям, утаскивая и меня за собой. — Добрый вечер.

— Здравствуйте, — кивнула я, встречаясь с его женой взглядом.

Она выглядела отлично. Темно-синее платье в пол подчеркивало все достоинства фигуры, делая силуэт утонченным и элегантным. Собранные в пучок волосы и массивные серьги визуально делали шею хрупкой и нежной. На косметолога Татьяна не жлобилась явно, зона декольте и кожа сияли пусть и не юной свежестью, но и не подчеркивали возраст.

— Кира, привет, — поздоровалась она, пока этот горный козел, зовущийся ее мужем, буравил меня взглядом. — Какая ты красавица! А родители? Будут?

— Мама еще не вернулась из круиза, — я нацепила привычную, безразлично-учтивую маску, одну из сотен, что были в моем арсенале, — а папа... вероятно, у него очередной завал на работе. Вы же знаете, в наше время и голову поднять времени нет. Трудится в поте лица и других частей тела над очередным молодым и амбициозным проектом. Сплошные инновации кругом, только и успевай, что вовремя всунуть, вернее, втиснуться со своим предложением и обогнать конкурентов. Да не мне вам рассказывать. Демид Александрович тоже с отцом работает ведь.

— Понимаю... — протянула она, мастерски подстраиваясь в игру, — значит, сегодня ты представительница Сергеевых на этом вечере? Почетная миссия.

— Скорее, я сегодня его плюс один, — шуточно толкнула в бок Макса, — куда уж мне да во взрослые игры, да, Демид Александрович? Тут надо знать, когда открывать рот и перед кем. Чтоб ни отцу, ни вообще кому-либо стыдно не было.

Демид

Даже будучи прилично одетой, эта невоспитанная пигалица остается собой. Они с Танькой обмениваются многозначительными репликами со вторым дном. Меня всю жизнь бесят эти вот хождения вокруг да около и лицемерие. Как был прямой, так и остался. Сколько раз мне проклятая прямота боком выходила, а все равно.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не влезать в бабские шушуканья, пока мелкая сучка не обращается ко мне лично.

— Очевидно, что до этого знания ты, Кира, пока не доросла. — Вот и вся беседа.

Кивнув хозяйке вечера, я переплетаю с женой пальцы. Она пытается не показать удивления. Мы уж лет сто как за ручку не ходили. Под локоть, как положено в высшем обществе — да. Вот так, как влюбленное дурачье, разве что в первый год брака. Смотрю куда-то перед собой, перебираю ее пальцы. Думаю вообще не о ней. О том, как сереет небо там, над крышей двухэтажного загородного особняка четы Козыревых. О том, как скучаю до икоты за этим небом, когда обнимает тебя, лижет ветром, хлещет в рожу, сосет силы и питает изнутри таким восторгом, что как обдолбанный потом. Я бы прыгнул. Может, съездить на базу, где ребята тренируются, отвести душу?

Около часа мы слоняемся с женой от одной кучки людей к другой. Расставленные по всему саду столы собирают вокруг компании по интересам. Теплый свет садовых гирлянд окунает в слащавую романтику, цветочки, деревья. Ветер осенний заставляет снять пиджак и галантно прикрыть плечи своей дамы. Танька грациозно придерживает его на своем голом плечике, накрывает попутно и мою грубую ладонь. Невзначай, но люди-то смотрят. И я знаю, что все это ее радует. Что вот об этом она вчера просила, глядя обиженным взглядом в самую душу.

Меня она хочет.

Сука.

Я пытаюсь, правда пытаюсь заставить себя чувствовать. Заставить себя забыть все или вспомнить, мать ее душу знает, что из двух. Рву себя, насилую изнутри, как блядский мазохист. И… ничего.

В душе какая-то вечная мерзлота. Как будто давно все атрофировалось и кроме холода, безразличия и глухого раздражения ничего не живет в отмершей пустыне моего нутра.

Чувствую себя болванчиком. Отвешиваю глупые шутки, даже приглашаю Татьяну потанцевать. Она расцветает, как политый куст давно запущенных садовых роз. И мне так тошно от ее этой несмелой радости. От себя самого тошно. От того, как качественно, блядь, притворяюсь. И что она поверила. И что теперь будет дальше на что-то надеяться. Зачем?

Руки ее на моих плечах как гири пудовые. Мы покачиваемся под тихую музыку, фонарики подсвечивают ее волосы золотом. И глаза ее блестят. И как будто даже разом помолодела Татьяна моя. А я внутри — дряхлый старик.

Чуть поодаль о чем-то щебечет Сергеева дочка. Без вульгарного раскраса похожая на едва раскрывшийся розовый бутон. Зеленый чашелистик еще плотно сжимает нежные лепестки, сдерживая созревающую юность. Козырев молокосос так на нее смотрит, что сразу ясно: спит и видит сорвать этот бутон, запустить пальцы в тугую свежесть лепестков и хозяйничать там, занюхивать аромат, балдеть от победы.

Какого хера я вообще об этом думаю?!

Танец заканчивается. Возвращаюсь в свою обыденную реальность.

— Пойдем на мостик, постоим? Задолбался всем улыбаться. — В саду Козыря отменно поработали дизайнеры. Тут тебе и речка искусственная, и прудик с рыбками, и мостики с подсветкой. Рядом ива, готовая скрыть от любопытных глаз.

Толстый, шершавый ствол холодит руку, когда тараню Татьяну к нему спиной. Нависаю, хватаю губы. Не чувствую вкуса. Только горечь, но долблюсь языком в ее теплый рот. А она мягкая такая, отзывчивая, как будто тысячу лет меня ждала. А ведь ждала. Месяцами, с зада-

ний и командировок. И я сейчас, как раньше, прямо в дверях бросал сумку, зажимал ее в коридоре, кусал и метил. Рычал ей в шею. И главное, кайфовал со всего этого. А теперь… заученные движения. Скучная физкультура. Даже не вспотеешь.

— Демид, — раскрасневшаяся, с разбухшими губами, не дает мне запустить руку в прическу. — Ну люди же кругом, ты чего?

— Да похуй на них, Тань. Ты ж сама хотела, ну чего теперь.

— Ну давай дома, а?

А у меня от этого вот «давай дома», без света и под одеялом все падает разом. И так, сука, еле реанимировал, а она в обратку. Молча делаю шаг назад. Танька меняется в лице. Видно, поняла все по роже моей кислой. Поправляет прическу, облизывает губы. Протягивает мне руку ладонью вверх. Смотрю на ее дрожащие от возбуждения пальцы и молча подставляю локоть.

Пациент скорее мертв, чем жив.

Глава 10

Демид

Мы вернулись к гостям, оба старательно делая вид, что ничего не случилось.

Глаза сами нашли Козырева и Сергееву пигалицу. Этот времени даром не терял, гитарку откуда-то надыбал. Я тоже когда-то такой был. Песни жене орал под окном студобщаги. Часто, правда, очень фальшивым, нетрезвым голосом.

Теперь вот даже инструмента дома давно не имею. Оставил кому-то из сослуживцев, когда увольнялся в запас. Ему там нужнее моего. Бывает, только этим и спасались ведь. Когда вернулись, половину бойцов как языком слизало. И так выть хочется.

А нельзя. Ты ж мужик. Нельзя выть.

Вот тогда в ход и идут струнные да ударные. Это на гражданке богохульство на похоронах музыку играть. А там… там производственная необходимость, чтоб кукухой не слететь.

Аккуратно снимаю с предплечья ладошку жены:

— Я отойду, Тань.

Какой черт меня дернул?!

Ностальгия, что ли, заела по юности?

Страшно сказать, но я как будто там, под пулями живее был, чем здесь, как сыр в маслице. Правильно комбат говорил: адреналиновая игла. На всю жизнь теперь. Как больной ходишь, маешься и вечно как будто все в серых тонах, как на сбавленных оборотах живешь.

— Ну как, салага, одолжи инструмент.

Козырь поднимает на меня вопросительный взгляд. Удивленный, как будто мой образ взрослого дядьки вообще у него в голове не вяжется. Ни с музыкой, ни с бандуркой его. Хотя врать не буду. Гитарка хорошая. У меня такого инструмента никогда не было. Так… Ленинградский завод. Та, которой убить можно, если ударным способом применять.

Сажусь рядом на краешек бордюра, ногу закидываю, чтобы держать удобнее. Сколько времени прошло, а пальцы помнят. Подстраиваю под себя чуток. Чувствую, не глядя, как оба, и малец Козыря, и Игорева девка, меня жрут глазами. Ждут, что ли? И Танька смотрит. Грустно так. Я ей когда последний раз брынчал? А тут вдруг… Голос не слушается. Хриплый стал, ну точно как у старика. Завожу старенькую песню. В наше время популярно было. Про гранитный камушек в груди. Очень в тему, между прочим.

И вроде смотрю на Таньку, и она на меня смотрит, а плечо жжет другой, не ее взгляд. Так и тянет глянуть. Хер знает, как будто накинули на шею веревку и невидимая сила ведет, как козла на убой, туда голову свернуть.

Глушу струны ребром ладони на половине аккорда, встаю, протягиваю инструмент Козырю.

— Возвращаю инструмент твой. — Пацан перехватывает гриф, но я удерживаю его крепко. — И запомни. Гитару, как женщину, в долг не дают. Одолжишь разок, и все — уже, считай, потерял. Дружеский тебе совет от старшего.

Я подмигнул ему, хамски, как деды желторотым, когда контакты доступных девочек сдают перед дембелем, и разжал пальцы.

Пока шел к Таньке, спину жгло пулеметным огнем.

— Что на тебя нашло, Гордый? — Татьяна смотрит с прищуром. И не могу понять, чего в ее взгляде больше: тоски или подозрений.

— Так… молодость вспомнил.

Кира

— Хмм, — протянул Козырь, задумчиво накидывая на гитару чехол. В этом наше желание совпадало. После ТОГО голоса не хотелось, чтоб Макс пел снова. Интересно, о ком ты пел, Эверест? О себе предупреждал или на Козыря намекал... а может, от балды вовсе. Что ему...

— Сколько раз собирались у нас на шашлыки, Гордый не пел никогда, — резонно заметил Макс. — А у вас?

— А у нас в квартире газ, — фыркнула раздраженно, наблюдая, как Демид, мягко прикоснувшись к локтю жены, кивнул в сторону дома... Они перебрасывались словами, Татьяна согласно кивала, а у меня перед глазами стояли ее зацелованные губы и горящий, возбужденный взгляд. Сколько себя помню, никогда такого не видела. Не вечер, а сплошные открытия!

— Макс, дорогой, — к нам подошла Инга, — ну что вы по углам прячетесь? Еще и гитару приволок, ну не время же, м?

— Мам, для искренности и настоящего меня всегда оно есть, не ты ли говорила?

— Я, но… там Вадим Маркович приехал, хотел тебя увидеть и поговорить...

— Давай сюда, — заметив, как Эверест скрылся в дверях пустующего особняка, я потянула за ручки чехла, — отнесу к тебе в комнату, заодно и в уборную загляну.

— О, спасибо, Кира, — просияла Козырева маман. — А мы пока к Вадиму, да?

Зачем меня черт понес сюда, не знаю. Оставив гитару у стенки, я, сняв туфли, как воришка стала бродить по дому. В уборных Эвереста не было, значит, оставалась кухня. Зачем ушел, если напитков на столах полно? И зачем я его вообще ищу?! Нормального, логического ответа не было. Внутри клокотало жерло вулкана из едва оформленных, смутных желаний. Дать им название было страшно, потому что... если даже в голове все назвать своими именами... это значит только одно — я спятила.

Он действительно был на кухне. Стоял у гладкого, натертого до блеска кухонного островка, что-то скроллил в телефоне. Хоть сейчас фоткай для глянца... Идеальный кобель в идеальном, люксовом оформлении. Начиная от внешнего вида, заканчивая антуражиком. Кухня у Козыревых была идеальная. Складывалось впечатление, что на ней никогда не готовили. И Эверест, в своем идеально сидящем, дизайнерском костюме, выглядел здесь настолько гармонично, что аж тошно было!

— Отлично выглядите! — В ответ он поднял взгляд, обернулся и посмотрел так, словно мне между глаз приставили винтовку и на секунду задумались, стрелять или нет. — А что, всех эскортниц разобрали, что вы вдруг по старинке, с женой решили прийти?

Я понимаю, что меня заносит, и он вполне может послать меня на хуй... но... в то же время, на каком-то животном уровне осознаю: так мой Эверест не сделает. И все равно, когда он делает шаг в мою сторону, я невольно отступаю, ещё и ещё, пока не упираюсь лопатками и затылком в стену. Тупик. Коротко остриженные ногти скребут дизайнерскую штукатурку, отступать мне некуда.

Да и не хочется, если честно.

Внезапно улыбаюсь, потому что внутри безымянный вулкан, что клокотал все это время, разливается адреналином и возбуждением. Его аромат, его взгляд, колючий, убийственный, будит во мне зарвавшуюся нахалку. Не стесняясь, как тарошный шут, выдаю ему в лицо все, что думаю:

— Демид Александрович, а вы вот тот совет, про гитару, на опыте своем выдали, да? Что женщину в долг и все такое, это вы, так сказать, успели прочувствовать?

Огромная, крепкая ладонь ложится на мои щеки, пальцы сдавливают их так, что губы и правда складываются свистком.

Ему очень не понравилось сказанное. Я знаю его с детства, много лет наблюдала украдкой и неплохо научилась считывать даже малейшую смену эмоций. Даже тогда, когда он наме-

ренно делает рожу кирпичом и корчит каменную статую без сердца. Но сейчас... сейчас он не скрывает, что злится. Очень. Если бы мог — отходил бы по заднице прямо здесь, не отходя от кассы и... я дурею, шалею от того, что мне удается дразнить этого мужика. Что я его... цепляю?

Мы тараним друг друга взглядами, и я ловлю предвкушающую щекотку где-то в районе пупка.

— Нравится напрашиваться на неприятности?

— Скоее дегать тигфа за уфы, — пытаюсь выдать смятыми губами. Он роняет на них взгляд и неожиданно ведет по нижней большим пальцем.

А я... не придумываю ничего лучше, чем плотно обхватить его губами, облизывая подушечку языком, как чертов чупа-чупс.

Глава 11

Демид

— А по-моему, нравится вести себя как шлюха. Я все думаю, что ж тебе чужая личная жизнь покоя не дает. Молокосос с буйством гормонов не справляется? — Предохранители в голове воют сиреной, как по тревоге мобилизируют мышцы.

Мне одновременно хочется отходить эту зарвавшуюся малолетку ремнем по заду, намотать ее растрепанный хвост на кулак и рвануть так, чтоб у нее искры из глаз. Чтоб больше рот свой рядом не открыла. И… внезапно просто хочется. Без реанимации. Так она старательно насасывает мои пальцы, порхает кончиком своего острого языка... Хоть ты ей прям вот так хер в свисток вставляй и пусть работает. От этих мыслей тело пробивает током. А она смотрит мне прямо в глаза и обводит палец вкруговую.

Бесстыжая.

Ни люди поблизости ее не смущают, ни даже то, что Танька где-то здесь.

А Татьяну вот смущало. Хотя она-то как раз имеет полное право. Пальцы мои обсасывать, смотреть вот так.

И тут до меня доходит, что Игорева малолетка напрашивается. Внаглую. Дерзко.

Ах ты, сучка скороспелая!

Давлю ей на челюсть, сжимая кулак. Глаза ее расширяются.

Что? Больно тебе? Разонравилось тигра за усы дергать?

— А теперь послушай сюда, маленькая шалава. — Не выпуская ее из захвата, подхожу еще ближе, чтобы то, что скажу, не услышали лишние уши, если такие зашиты в Козыревых стенах. — Когда я после ранения гнил наживую, моя жена не брезговала своими руками это дерьмо вымывать. И судно носить. Так что ты даже волоска у нее на заднице не стоишь. И если я еще раз от тебя услышу что-то подобное, я тебя вот так за язык возьму и мылом твой поганый рот набью. Суешь туда что ни попадя, сразу видно.

Вижу, что пытается меня укусить, но из нас двоих сильнее я.

— Если я сожму сейчас палец еще немного, то сломаю тебе челюсть, так что советую быть очень послушной девочкой. — Для наглядности давлю сильнее.

Браваду ее смело, как тряпкой со столешницы. Глаза огромные, лупает ими, дрожит, блядь, вся. Так дрожит, что аж мне передается. Выуживаю свой палец из ее рта, вытираю о штанину, как если бы испачкался.

— И мой тебе совет: не ищи приключений на зад. Будешь так активно напрашиваться, однажды отдерут по самые гланды. И имени не спросят.

Кира

— Джокер? — Я вздрагиваю, когда в собственную комнату заглядывает Макс. — Там все разъезж... эй, Кир, ты чего?

Знаю, что похожа на панду: расплывшаяся тушь, пусть ее на ресницах было совсем чуть-чуть, но въедливая в кожу, пиздец как. Распухшие от слез глаза и щеки красоты не добавляют.

— Кир, что случилось? Тебя кто-то обидел? С родителями что? — Макс плюхнулся на кровать, аккуратно беря мои ладони в свои. И так он делает это нежно, ласково поглаживая костяшки, что я вновь хлюпаю носом и реву. Ну почему? Почему всегда вот так? Почему мне не хочется дразнить того, кто был бы рад всем моим авансам и с готовностью реагировал на провокацию? Почему по телу не бежит дрожь предвкушения, когда его рука легонько касается

скулы? — Эй, это что у тебя? — Козырь хмурится, очерчивая проступающий синяк, ровно там, где еще недавно касался Эверест.

— Это моя неосторожность, Макс, — отвожу взгляд, когда он притягивает меня в свои объятия. — Так спешила, что налетела на стеклянную дверь, а он… вернее она как из гранита, не дверь, а... ска... скал... лаа.

— Надо чем-то помазать, синяк будет громадный. — Его руки аккуратно поглаживают мою спину. — Я сам пару раз влетал, совершенно никчемная конструкция. Скажу родокам, чтоб убрали.

— Макс? — Знаю, что это неправильно, что нельзя так. Но и таскаться за женатым мужиком тоже нельзя. Как будто никогда не была мазохисткой, а сейчас... с того вечера в клубе как будто демон какой-то вселился, в самом деле. Прицепилась к мужику как банный лист. Сколько еще надо услышать оскорблений, чтоб наконец-то понять — клал он на меня со своего гордого пика. Бооольшими такими кучами. Хватит, в самом деле...

— Что, Джокер?

— Я хотела сказать. — Решительно отодвигаюсь. Размазав слезы по щекам, киваю, то ли подбадривая себя, то ли действительно принимая решение. — Давай попробуем, Макс. Ты и я. Только не будем спешить, ладно? Я тебе ни на первом, ни на втором свидании не дам...

— А на третьем? — шутит он и получает тычок в бок. — Ай. Я понял-понял. Уф, — он ерошит волосы и нервно трет затылок. — Я ждал этого... долго, — признается он. — Кир, мать и отец, ну ты же видишь, у них все по любви. Надеюсь, что и у меня... у нас так будет. Если вдруг не пойдет, скажи правду, ладно? Я пиздец как боюсь тебя потерять, как друга даже, а тут, как будто дороги назад нет.

— Все так. Назад точно дороги нет.

Глава 12

Демид
Неделю спустя

— Слушай, Гордый, — Козырь отирает полотенцем влажную шею и садится рядом на мат. — Мой малый прыгать надумал.

— С крыши? — снимаю перчатки, вожусь с намоткой. По шее течет струйками пот.

— Типун тебе! С парашютом.

Поднимаю вверх брови. Интересно девки пляшут.

— Чего вдруг?

— Да кто б мне сказал… как в жопу клюнули и все. Упёрся рогом. — Козырь качает головой. — Инга места себе не находит. Сноуборд пережила. Тарзанку эту, блядскую, но парашют? Подсоби, проконтролируй, а?

— Я? — Делаю рожу кирпичом и тянусь за минералкой.

— Ну а кто, Гордый? Ты за жизнь столько прыгал, сколько я баб не трахнул.

— Ну, ты себе польстил, конечно, Козырь. Если б ты столько трахнул, сколько я прыгнул, хер бы до корня стёрся.

— Да ну тебя. Так что? Проследишь?

Возиться с Козыревым сопляком у меня нет ни времени, ни желания. С другой стороны… Я уже сколько думаю прыгнуть, а все дела…

— Если б я хотел с желторотами возиться, остался в учебке инструктором.

— Демид, ну я ж тебя как друга прошу.

Морщусь.

— Хочет прыгать — в армию его отдай.

— Скажешь тоже. Макс военную кафедру имел в университете.

— Ага, в том и дело, что имел…

Усмехнувшись, убираю на место перчатки и лапы.

— Да какая армия, Гордый. Ты ж знаешь, какая нынче армия...

Медленно оборачиваюсь. Смотрю на него, как на инопланетянина:

— УЖ Я-ТО, БЛЯ, ЗНАЮ.

Козырь смеётся.

— Ладно, хер с тобой. Позвоню сегодня ребятам. Но чтоб как штык был в нужное время в нужном месте. Я тебе не театр, после третьего звонка кина не будет.

Козырь встаёт, жмёт мне руку:

— Спасибо, Гордый! Должен буду.

И так мне, сука, смешно с его детской радости, что не могу сдержаться:

— Должен будешь, когда парашют раскроется!

А сам ржу, не могу.

— Типун тебе на язык, Демид.

Три дня спустя

— А эта что тут делает? — встречаю Козыря, как условились, у входа в учебку. — Моральная поддержка?

Оглядываю их быстро. Ну хоть оба не тупые вконец: форма одежды спортивная, как и было велено.

— Демид Александрович, — Макс протягивает руку. — Мы это… вместе хотим.

— Хотите себе на здоровье. Можете даже не просто хотеть, не маленькие. Но в воздухе не до хотелок будет.

Макс явно недоволен намеком, но молчит. Хоть у этого язык за зубами сидит на цепи. А Игоревна, видно по глазам, уже готова свой в ход пустить.

— Мы прыгать хотим, в тандеме. — Младший Козырев держит лицо, молоток, на провокацию не ведется.

Насмешил, бля. Удумал. Прыгать в тандеме.

— Это ж как она тебя достала, Козырь, что ты её угробить решил таким изощрённым образом?

Смеясь от души, махнул им рукой, чтоб шли следом.

— Тандемом — это только с инструктором. — Перевожу взгляд на Сергееву. Костюмчик модный, волосы в косичку сплела. Ненакрашенная. Вот это новости. Кисточка от косы над грудью болтается. Дразнит, как тряпка быка. — Ты сколько весишь, кисточка?

— Пятьдесят шесть, — рапортует не глядя.

— Пятьдесят шесть, говоришь? — недоверчиво огибаю взглядом покат с талии на бедро. — Ладно, прыгнешь, раз смелая.

Даже интересно, даст попятную или назло будет до конца переть? Вижу же, что до усрачки боится. Я таких перваков на своем веку видал больше, чем звёзд на небе. У самой рампы в истерику срывались.

На плацу киваю Козырю в сторону парашюта.

— Так, боец, центральный строп красный. Берешь его в левую, правой остальные накидываешь. Да тише ты! — Наблюдая за рвением Макса, подхожу ближе, перехватываю стропы, показываю, как надо. — От качества проделанной работы твоя жизнь зависит. Уяснил?

Слежу, чтоб не напортачил, накидываю на плечи снарягу, оставляю самостоятельно затягивать крепежи.

— Что смотришь, Кирюха? Отца в полевой никогда не видела, что ли?

Родная синяя тельняшка греет душу пуще любой грелки. Подаю Кире в руки стропы. Ногтищи такие, как будто сделаны пузо врагам вспарывать. Перехватываю ее руку, помогаю правильно укладку организовать.

— Это наш будет. — Она так глазищи распахивает, аж дрожь у меня по загривку от этого взгляда.

— В смысле, наш?!

— Так ведь со мной прыгать будешь. Кто тебя, селёдку тощую, одну пустит? Тебя ж ветром в Африку снесет. Или ты струсила уже? Раздеваемся тогда, что ли?

На самом деле от 45 уже можно одному прыгать, но Козырь и Сергеева этого знать не могут, верно? А я… а я им такой инфы не предоставлю.

Кира

— Джокер, ну ты чего? — Макс улыбается, сверкая белоснежной улыбкой. — Мы ж хотели прыгнуть.

— В том и дело, мы! Где тут мы, Макс? — я шипела не хуже змеи, очень не хотелось, чтоб Эверест услышал. — Будешь ты и... я с Демидом Александровичем!

Козырь постарался подавить улыбку, но выходило плохо.

— Что смешного? — нахохлилась я.

— Ну даа, я понимаю, что лучше и моложе, — он поиграл бровями, — но ты же знаешь уговор: что твой батя, что мой согласились только с тем, что будет доверенное лицо.

— Ну я же не знала, что это будет он!

— Так, наоборот, хорошо. Это ж Гордый. Свой человек, почти наш крестный фей. Или ты с ним поцапалась? Вроде всегда хорошо ладили.

— Ладили... — Опустив взгляд, вспоминаю его палец у себя во рту. И слова его тоже хорошо помню. Идиотка. Чего, спрашивается, накинулась на мужика и на жену его. У самой родители не так чтоб сладко живут, это не вечно влюбленные Козыри.

— И? В чем проблема?

— Он... я его боюсь, — не придумав ничего более умного, ляпнула то, что пришло в голову.

Макс расхохотался. Громко.

— Да тише ты!

— Ты? Демида? Насмешила. Это он тебя бояться должен, ну, — Макс обнял меня за талию, целуя в нос.

— Почему это?

— Ты как та болонка. Мелкая, но злоебучая, ай! — Вместо ответного поцелуя Козырь получил укус в подбородок. — Вот об этом и говорю.

— Это я с тобой такая смелая...

— И с ним всегда такой была, — не согласился Козырь. — Я ж помню. Таскалась за ним хвостом на всех родительских сходках и вопросами доставала. То на ручки, то на шею. То покружить. Он от тебя прятался даже.

— Не было такого! — Щеки предательски вспыхнули.

— Было-было, со стороны лучше видно, Джокер. Поэтому и спросил, может, поцапались. Ты ж когда в раж входишь, можешь и ляпнуть чего.

— Ляпнуть... Ляпает корова... а я...

— Ммм, говоришь не подумав? Или нет, говоришь очень хорошо подумав, но тем и доставучее. Знаешь, куда бить. Есть у тебя эта способность: словом ударить больнее, чем физикой. Хотя у Гордого такая же фича есть. Значит, точно поцапались, — сделал свои выводы Макс. — Но знаешь, Кир, я б вот тебя никому не доверил, кроме него. Ни один сраный инструктор ему в подметки не годится.

— Да понимаю. — Скрепя сердце пришлось согласиться. — Но это не отменяет того, что на всю эту авантюру я согласилась пойти с тобой. Мне общие воспоминания надо не с ним, а с тобой...

— Они и будут наши, Джокер! Нас бы вряд ли кто отправил вместе, даже будь это не Гордый.

— От этого не легче...

— Пойдем, самолет уже готов и снаряга.

— Я пиздец как боюсь, Макс, — вцепившись в его руку, я шла к самолету, как на заклание. — Может, давай я тебя здесь подожду, раз уж прыгнуть вместе не судьба?

— Не-не, не считается, Джокер! А в старости мы что будем внукам рассказывать?

— Я лично зубами буду клацать. Нервный тик с тобой заработаешь, а не воспоминания для внуков!

— Значит, на общих внуков согласна? — Он приобнял меня за плечи, целуя в висок. — Это радует. Так и быть, прыгаем, и рассказы будут на мне.

Глава 13

Демид

Забираются в самолет, такие оба счастливые, а меня раздирает отчего-то. От предвкушения, прямо до трясучки. Как я, сука, с этой гражданской работой давно не прыгал. Мать его, хорошо если положенные годовые. А в прошлом году так некогда было, что мне их за красивые глаза нарисовали. Положенные после сорока, в моем звании, три жалких прыжка в год.

Три, твою мать… Что такое три прыжка?

Берцы отчетливо передают в позвоночник урчание мотора старенькой Аннушки. Красивая девочка, надежная. Таких самолетов еще поискать. И мне бы, дураку, радоваться, а я смотрю на сцепленные руки Козыря и Сергеевой и отчего-то так бесит, что кинул бы его прям так, в синее-синее небо. Хотя вот как раз и кину, если трусанет. Вообще, он ведь совершенно Игоревой пигалице не подходит. Мягкий как смола. Обтекает ее всю. Слюной капает. Нет в нем жесткости, чтобы нахальную натуру обуздать. Она же с детства отцовский поганый нрав переняла. Ей с мягким мужиком никак нельзя. И его поломает, и сама нарыдается.

Тьфу. Молодая, дурная.

Ранняя.

— Козырь, ты садись давай, сюда вот. И пока высоту набираем, чтоб ни шагу. Еще не хватало, чтоб башку себе прошиб до прыжка. Сначала прыгни, а потом ноги-руки собирай. Не в обратном порядке.

Что-то я сегодня лимит язвительности на год вперед перерасходовал.

— А ты куда? Эй, алло! — Хватаю руку Киры, не позволив плюхнуть свой зад к голубку. — Сюда давай.

Поворачиваю ее к себе спиной, плотно вдавливаю в грудь, затягиваю крепёж, привязывая к себе за талию. Протягиваю ремни под паховый карабин. Тоже притягиваю ближе.

Она каменеет.

Сопит. Молча. Это ж какой сегодня праздник такой? Никак Христово Воскресенье?

— Взлетаем, товарищ полковник? — басит пилот.

Завозились мы, верно.

— Поехали, капитан! — Сажусь, пристраиваю Киру себе на колени. Она пытается отстраниться, ерзает. Наклоняюсь и тихонько, чтобы хахаль ее не услышал, шепчу ей в ухо:

— Будешь ерзать, разобьемся нахуй.

Вновь каменеет нерушимым изваянием. А мне так пьяно и смешно от этого. Как будто мозг отшибло. Так она пахнет хорошо. Юностью, свободой. И мотор у Аннушки вибрирует в груди. И солярой несет чутка. Все такое родное, как машина времени на много лет назад. Как будто снова девятнадцать, я в учебке, на своем первом полете. Хмельной, как наркоман проклятый.

Киру колотит как в горячке. Я аж напрягаюсь. Дрожь тут же передается мне по телу, отзывается вполне естественно, и я знаю, что Кира это четко прочувствовала.

Твою мать.

Дурная была затея, Гордый.

Что ж ты совсем мозгов лишился?

А сам еще и подначиваю ее:

— Ты что ж, боишься, Кисточка? Куда борзота подевалась-то?

— Я высоты боюсь, — жалуется она тихо. Смотрю, парень ее сидит спокойно. Собранный. Руки на коленях как первоклассник.

— А ты не бойся, Кирюха. Первый раз прыгать не страшно. Ты все на автомате делаешь и не знаешь еще, что как. Вот второй да. Обосраться страшно.

Она аж голову поворачивает от удивления.

— Почему это? — Мы с ней сидим почти впечатанные друг в друга, и она прям по губам щекой мажет. Меня, если б не сидел, с ног бы сбило, клянусь. Сам не знаю, как так. Еле легкие раскрыл, чтоб вдохнуть.

— А второй раз ты уже в курсе, какая подстава за бортом. Я, помню, стою у рампы и думаю, сука, какого хера меня вообще к Дяде Васе занесло?! У нас еще в первый прыжок один пацан не очень удачно сиганул. Хорошо, запаска спасла. А то б…

— Не так чтоб успокоили, конечно. — Киру начинает колотить еще сильнее.

— Да тихо ты. — Кладу ей ладонь на живот. Заземляю чутка, чтоб под мое дыхание подстроилась. — Дыши, давай. Вот так.

— Товарищ полковник! Пора! — Поднимаюсь, буквально выталкивая Киру на ноги. Как будто отказали, что ли, у нее от страха?

— Козырь, вставай, первым будешь. У тебя стандартный, сам откроется. Остальное помнишь? — Кивает. Встает у рампы. Ждет. Вижу, что страшно парню, но лицо терять не хочет. Помню себя таким же и молодею от их эмоций. Вот тебе, сука, и машина времени.

— Пошел! — А он стоит. — Пошел, мать твою! — Толкаю его в спину. Летит. А позже б прыгнул — хана. Улетит бог весть. Ищи потом. У него ж неконтрольный. Куда ветер дует, туда и плывешь как одуванчик. Это у нас с Кирюхой управляемая версия.

— А мы? — Голос ее дрожит. Сука, так эта дрожь скребет внутри, что я б вот прям сейчас бы зубы на ее шее сжал. Как зверь голодный на свежий шмат мяса.

— А мы с четырех тысяч пойдем, — хриплю ей на ухо, и меня разносит смехом. Ей-богу, как бухой. — Отсюда смехота прыгать. Даже обосраться от страху не успеешь.

— Как с четырех? — По голосу слышу, что к нам подбирается истерика.

— Да не бойся ты, Кирюх. Ты ж со мной. Упаду, но все равно поймаю.

И мы стоим вот так у самого края, в шаге от прыжка, пока Анечка давит выше. Пока капитан не кричит, что взяли высоту и можно. А потом сталкиваю ее своим весом.

Кира орет. Ветер хлещет нам в рожи. И так хорошо. Мне кажется, вообще в жизни так хорошо никогда не было. Вот как сейчас первые полеты помню, говорят, незабываемые. А этот… Я ж и прыгал уже как по накатанной. Безвкусно, как секс с женой. Потому и реже стал, что все одно. А тут… как в первый раз. Аж сердце заходится. Дергаю кольцо.

— А представляешь, Кир. Не раскроется. Так и помрем вместе. В обнимку, а?

И смешно, бля. Ну точно мозги отшибло.

— В-вы п-псих…

— Да пошутил я, Кисточка. Не дам я тебе убиться, ну. Глаза-то открой. Смотри, красиво как. Никогда ничего красивее в жизни не видел, чем прыгать вот так. И весь мир у твоих ног.

И тебя. Тебя красивее, кажется, тоже не видел.

— Руки расправь и направо смотри. — Послушно тут же выполняет. Наверное, решила, что это жизненно важно. И так мне весело от ее неумелости, от того, что всему ее учу. И мысль шальная, что я б ее столькому мог научить. Всякому…

Достаю на штативе камеру и делаю несколько наших фото. На память. А когда убирать стал, случайно мазнул губами по коже и… пропал. Забыл вообще все на свете. Опомнился уже от того, что скоро садиться, а я вылизываю языком изгиб ее шеи и хмельной, как после запоя. Твою мать…

— Так, Кирюх. Садиться пора. Ты ноги, как скомандую, подожми. А потом как велю выпрямлять, широко расставь вот так. Поняла?

Она кивает молча. Земля летит на нас стремительно, в глазах все смазанное, зелень, чернозем — все одним пятном. Амортизирую ей встречу с землей своим телом. Спецом подальше от Козыря с ней сел. И так мне легко, что снова шепчу ей в ухо:

— Ну что, трусы-то не намочила?

— А мне уже не страшно, — отвечает нагло. А саму трясет до сих пор.

— Так я и не про страх спрашивал, Кисточка.

Глава 14

Кира

Земля дрожит под ногами, колени вот-вот застучат друг о друга, и зубы клацают, да. Только не от воспоминаний полета и страха. А от того, что происходило там.

И как мне теперь забыть...

Возможно ли забыть, когда Эверест еще и издевается?! Этот полет — сплошные контрасты: страх и восторг, холод и жар, скоротечность и замершее в моменте время. Его язык, как раскаленное клеймо, оставивший след на коже. Это влажное, порочное касание, пожалуй, самое контрастное. Ветер, что отнюдь не гасит, а наоборот, раздувает внутреннее пожарище. Хочется поднять руки и попытаться стереть след, но я знаю, что попытка будет тщетной. Этот знак, его поцелуй во мне отдаются и вибрируют вместе с ходящей ходуном землей.

Терпеливо жду, пока отцепит от себя, и, развернувшись, хватаюсь за могучие, твердые плечи, чтоб не упасть.

— Ты! Ты... В-вы! Вы! — заикаюсь, держась одной рукой, колочу кулаком второй куда ни попадя. — З-зачем?! — Мне не хватает воздуха на слова, чтоб сформулировать свое возмущение. — Я... я... больше никогда! Слышишь... те? — Смотреть на него не могу, потому что хочется почувствовать эти губы не только на шее. Адреналин от прыжка шарашит по венам и толкает к моему Эвересту: прикоснуться, прижаться, впечататься в него. Почувствовать так, как в самолете... Опустив голову, бодаю лбом его грудину, потому что если продолжу, то вновь сотворю лютую дичь, похуже, чем с пальцем.

— Мне очень жаль, Д-демид Александр-ррович, что я в ваших глазах выгляжу шлюхой, так вы сказали, д-да? — Зубы все клацают друг о друга, и я заикаюсь. — Я все осознала, как видите. Пр-равильный мальчик и правильные отношения. Чтоб вдруг меня кто по самые гланды не выебал. Так в-вы сказали? — Мне больно, больно говорить и держаться за него, как утопающий хватается за спасательный круг. Больно, потому что я хочу совершенно другого: привстав на носочки, коснуться щетинистого подбородка, запустить свой язык ему в рот и отпраздновать свою смелость и победу не игристым шампанским, припасенным Козырем и дожидающимся в багажнике нашей тачки, а его вкусом на своих губах. Но «шалава» и «шлюха» звучат пощечинами в голове. Хлесткими и звонкими, по одной на каждую щеку.

Выдохнув, собравшись с силами, я поднимаю голову, ныряя в серебристый сосредоточенный взгляд.

— Спасибо, что это были вы, мой первый. Говорят, о них никогда не забывают. Я про прыжок, если что.

Демид

— Так ведь ты выпрашивала, Кира. — Выпрашивала. Напрашивалась. Лезла на рожон. У меня было достаточно времени подумать, что с ней вдруг стало. Она и раньше за мной ходила, как привязанная. Одно время я даже стал избегать приездов в их дом. Ну, куда это? Чтоб дылда в двенадцать лет, а все на коленки лезла? Ладно еще семилетка сопливая, но потом-то... вроде даже поутихло все. И вот на тебе. А главное, сука, в какой момент я вдруг уподобился ее отцу? Когда у меня вдруг тахикардия началась от взгляда на малолетку? — Будь готова отвечать за свои слова, если такая смелая рот открывать. А если не готова, то… — я «зашил» себе рот пальцами, — молчи уж.

А потом взял и подмигнул ей. Как мальчишка, как этот ее сопляк Козырь. И какого хера он мне покоя не дает?!

Отстраняю ее от себя:

— Хватит, кисточка. Отставить истерику. А то вон, твой Ромео спасать бежит. Еще приревнует, не дай боже.

Начинаю отстегивать от себя снарягу. Приводить в порядок последствие прыжка. И я не о куполе и спутанных стропах сейчас. Мозги в порядок приводить мне надо, а не парашют.

Надо было отпустить их вдвоем прыгать. Летел бы рядом, сам по себе. Одиночка, каким всегда был.

Надо было. Так правильно. Но, глядя на злой Киры взгляд, понимаю, что поступил бы так еще раз и еще. И хер покласть на последствия. Я себя более живым, чем в эти несколько минут, уже лет пятнадцать не ощущал. Думал, всё — умер внутри, сгнил. И вот тебе. Под левое ребро, как штык-нож всадили. Хриплю, как при смерти, сердце колотит в грудину, качает кровь, бьется то в мозгу болью, то в штанах пульсирует.

Твою мать...

Сажусь на корточки, делаю вид, что методично прибираю полотнище. Таким же меня все видят. Правильным, дотошным. Надежным, как скала. Человек-гранит.

Сука…

А Игорева пигалица сверлит взглядом мне спину. Жрет прямо. Я видел по глазам бесстыжим, что она бы и зубами меня сожрала. Как заправская хищница.

Когда выросла, твою мать?

— Ну, как тебе, Джокер? — В голосе Козырева мальца столько восторгов, аж глаза хочется закатить.

Лучше тебе, парень, не знать, как ей.

Сердце раскалывается пиздец как больно.

Я проходил.

Встаю, оборачиваюсь:

— Живой? Целый? Батька твой мне хоть башку не оторвет. Снарягу-то чего бросил? Крепостное право отменили. Тут тебе не аттракцион для мажоров. Ручками все, сам.

Козырь поджимает губы. Не нравится, когда в дерьмо носом при бабе макают?

Я и сам не знаю, зачем все время опускаю его. Характер такой мерзкий. И бесит до одури. До белого каления.

Хлопаю его по плечу примирительно.

Да брось, Гордый. Это ж птенец Козыря. Ты его со сраных памперсов знаешь. Ну какие вы соперники? Мимо, Гордый. Мимо.

— Ты молодец, Макс. Уважаю. Как мужик прыгнул. Но снарягу все же собери.

Кира молчит. Глаза в пол. Вот как, оказывается, рот закрывался легко и просто. И вроде бы радоваться, а мерзко на душе.

Сука ты, Гордый. Мудак как есть. Трижды.

— Ты тоже молодец, Кирюх. Ну, все? Больше высоты не боишься? Победила? Можно теперь и на Эверест лезть, а? — Вроде шучу. А она вздрагивает, как будто я ее ударил или кипятком окатил.

— Что стоишь, герой? Успокаивай даму свою. Та ну вас. Пойду уберу снарягу твою. Валите уже оба. Марш!

Глава 15

Кира

— Ты как? — Макс всегда водит аккуратно, это мне в нем и нравится очень. Без вот этих понтов и неуместного лихачества, как Димка Васильев, например.

— Я? Не знаю, — отвечаю максимально честно. — Было страшно, очень.

— Ну а потом, когда летели, кайфово же?

Я сглатываю, прикрывая глаза. В памяти рваными вспышками: колени Демида, его возбуждение, мой восторг и страх от того, что вдруг… вдруг я ему не безразлична. Даже если это просто похоть? А потом полет, даа… небо, ветер и его горячий язык на моей шее.

— Кайфово. Какое верное определение…

— Если еще потренироваться, то можно будет прыгнуть и вместе.

— Ооо нет, на подобную авантюру я еще не скоро решусь, Козырь. Смерти моей хочешь?

— С Гордым не помрешь, — усмехается он, но тут же хмурится. — Он какой-то взвинченный был, да?

Мне хочется смеяться. Дико. Истерично. Но вместо этого отворачиваюсь к окну.

— Да пофиг… не хочу о нем думать, устала я, Макс. Хочу домой, душ и сон.

— А если кино вечером?

— Ммм, не хочу людей и толкотню. Как насчет у нас? С меня попкорн, с тебя чипсы, — Я наконец-то повернулась к нему. — Будем пить колу и хрустеть у нас, на домашнем?

— Что посмотрим? — воодушевился он.

— Ничего сопливого точно! «Бегущий по лезвию»?

— Идет. — Макс остановился у парадной. — Приеду в семь?

— Супер. Буду ждать…

С прошлых выходных, того самого памятного вечера у Козырей, когда я решила попробовать с Максом, мы целовались, конечно же. Его поцелуи были мягкими, нежными и затапливали теплом. Это всегда было вкусно, и тело под его осторожными, но настойчивыми ласками медленно просыпалось, покрываясь россыпью мурашек. Так было и сейчас. Правая ладонь касалась тонкой полоски кожи между топом и спортивными лосинами, пальцы вырисовали по кромке замысловатые узоры, едва заметно касаясь груди, а губы сминали мои уже привычно и возбуждающе.

— Кира, какая ты сладкая, — пробормотал он, когда его губы сместились на скулу, а язык начал прокладывать влажную дорожку к шее, к тому самому месту, где касались совсем по-другому, властно, жадно и нетерпеливо…

Я запустила пальцы в его волосы на затылке неожиданно как для него, так и для себя, прекращая томительную ласку, не позволяя поцеловать: — Стой! Погоди!

— Что? Где? — Он оглянулся, вероятно, думая, что испугалась посторонних глаз.

— Ты будешь в эти выходные у нас на даче?

— Бля, Джокер, ты издеваешься? — Он мотнул головой, стряхивая мою ладонь. — Ты хочешь поговорить об этом сейчас? Серьезно? — Козырь многозначительно прижал мою руку к стояку у себя в штанах. — Может, об этом поговорим?

— Ну, прости. — Я мягко высвободила ладонь. — Как раз потому и спрашиваю. Мы же с ночевкой едем. В лесу есть охотничий домик, ты же помнишь. Может… мы совместим семейные посиделки с приятным, а? Обещают грозу тем более, если посидим со всеми, а к вечеру сбежим, нас точно не потревожат до вечера воскресенья. А там камин и терраса, и кинопроектор? Настолки?

Макс не спешил с ответом. Он всматривался в меня настолько пристально, что становилось страшно, вдруг он поймет, считает, что я не так чтоб готова.

— Ты этого хочешь, Кира? Не потому, что хочу я. Или настаиваю. Я помню про уговор не спешить. Вот это, — он толкнулся бедрами, намекая на свое возбуждение, — вообще не повод мне давать, если не хочешь. Я нормально справляюсь и сам, в ванной.

— А мне дашь посмотреть как-то? — Надо же, а ведь и правда, как же он меня хорошо знает. В момент считал все мои сомнения! Лукаво улыбнувшись, я сама потянулась за поцелуем. — Надо же мне проверить мастерство и, может быть, помочь? Так что? Едем?

— Ты… невозможная! Кто ж откажется после такого!

— Тогда замётано! Сегодня фильм, а в выходные день Икс.

***

— Особый случай? — Вера заговорщицки улыбается, наблюдая, как я придирчиво рассматриваю себя в зеркале. — Козыреву сегодня повезет?

— Почему мне кажется, что ты недоговорила? — Тонкое черное кружево сидит идеально.

— Угу, я хотела сказать — наконец-то ты его перестанешь мариновать, — Вера хмыкнула, — но ты точно уверена, Кира Игоревна? Лично для себя?

— Естественно, Вер, — стараюсь звучать уверенно. — Он надежный, внимательный, терпеливый...

— Хорошо, что я не твоя мать и могу задать самый паршивый вопрос, не взрослый совсем... А где во всем этом перечне подгибающиеся в нетерпении пальчики, дрожь во всем теле, мокрые трусы?

Ооо, я точно знаю где, но об этом никто и никогда не должен догадаться.

— Все будет, когда...

— Милая, — Вера подала мне мешковатый спортивный костюм и поставила у самых ног кроссы, — если бы ты его хотела, вы бы трахались как кролики с первого свидания, за каждым углом.

— Фу, Вера!

— Я не шучу, Кир. Подумай над этим.

— Ты на выходных куда? — Я решила не развивать тему или спорить.

— Твоя мама дома, у вас впереди уик-энд с друзьями, а у меня выходные. Первые за долгое время. Хочу съездить к родителям. Так что меня не только здесь не будет, но даже и в городе.

— Хорошо тебе отдохнуть, — обняла ее крепко. — Буду скучать.

— Повеселись как следует.

Глава 16

Демид

— Ну-у, приехали. — Столько тащиться в редкий выходной, чтобы что? Как, сука, можно забыть то, ради чего все затеяли?! Игорь всегда, даже в учебе, был раздолбаем, без плана и иногда, казалось, без мозгов. Думал он обычно задним числом и чаще всего задницей. Или хером своим… — Значит, больше выпьем и меньше пожрем.

Я перевел взгляд на Таньку и подмигнул. Она опять не хотела ехать, снова жаловалась на то, что там мы просто ужремся, а они (женщины) нужны только мыть посуду и накрывать на стол. На вот таких вот посиделках помощниц обычно не брали, и все происходило как в молодости, собственными ручками и готовка, и костры, и мангал с мясом.

— Да ладно тебе, Тань. Ну я как раз буду бухой. Ты же знаешь, я добрею сразу и не такой мудак. Уединимся с тобой, м?

Я пытался. Пытался заткнуть дыру в душе женой. Приложить ее, как подорожник, в надежде, что затянется. В прошлые выходные внезапно понял, что ещё живой. Понял, что блядская эта жизнь все ещё может приносить удовольствие. Что хотеть кого-то я все ещё могу не только чисто по причине биологии. Там, в небе, мне было охуеть как кайфово. И от этого знания повседневная серость блекла ещё сильнее. Как небо перед грозой. Все казалось тяжёлым, давило на плечи, и я гнулся в три погибели, стискивал зубы. Я трахал жену, выебал какую-то девку на разок, снял даже девочку помоложе, чем обычно. Но все это ощущалось не так. Не тем. Я хотел другого. Другую. Ту, кого получить не мог. Ту, что сейчас старательно на меня не смотрела.

— Твою мать! Ну все через жопу с утра! — Игорь глянул на экран смарта и приложил трубу к уху. — В смысле нет запаски? Мозгов, блядь, у тебя нет, Козырь. Ну кто в ебеня такие без запаски?! Да приеду я сейчас, что с вами делать!

— Игорь, не ругайся при дочери! — потребовала Сергеева жена. Тот только рожу построил.

— Она лучше меня давно умеет, поверь. Давайте, вот, с Танечкой салаты накрошите, да? Как в старые, студенческие. Я метнусь за Козырями, а Гордый за мясом, да?

— Если это вопрос, то нет.

— А это не вопрос.

Я пожал плечами. На самом деле снова мотать километры ради ничего мне вот ни разу не улыбалось. С другой стороны, слушать бабьи сплетни тем более. Три женщины для моей нервной системы — это слишком сегодня. Я рассчитывал отдохнуть, а не вот это все.

— Хер с тобой, где твой маринад искать? И ключи мне дай. От дома, от охранки…

— Я тебе вместо этого всего провожатого выдам, чтоб не скучно было ехать. А, Кирюх? Метнитесь вдвоем, ты как раз знаешь, где маринад. И это, в погребе, захвати нам пару бутылочек коллекционного в качестве компенсации? Порадуем себя, что ли.

— Пап, Демид Александрович прекрасно может и сам справиться. Он у нас дома тысячу раз был, ну зачем ему я? — Очевидно, оставаться наедине со мной Сергеевой пигалице не хотелось категорически. Судя по тому, что происходило всю неделю, у нее был как раз противоположный план: держаться от меня как можно дальше. Годный план, работал ведь до сегодня, а тут поездка за гребаным мясом... Вдвоем. В одной машине. Это, конечно, не Аннушка и не сцепка в парашюте, но все равно. — Давай я с тобой за Козырями съезжу, а? Или на кухне помогу?

— Спасибо, не надо! — Сергеева жена категорично замахала руками, как будто тяготилась компанией дочери. Хотя почему как будто? Она и не занималась Кирюхой никогда. Собой всю жизнь занималась. Дочь ей была нужна исключительно чтоб Игоря удержать. Я все думал, когда пес сорвется с поводка, а он сидит вот.

— Мы с тобой не на базаре, Кира, — осадил Сергеев. — Веры нет, и дом пустой. Кроме охранки будет еще и контрольный звонок. А список лиц ограничен: ты, мать, Вера и Вовка. Так что поднимешь трубочку и снимешь с охраны, а потом в обратном порядке, усекла?

— Угу, усекла... — Не глядя на меня, кисточка, понурившись, как каторжная, поплелась к моей тачке. — Машину-то откройте, Демид Александрович. — Дернув за ручку задней двери, пигалица подняла-таки на меня глаза. Больные, тоскливые глаза брошенного щенка. Твою мать. — Дождь начинается, нам стоит поспешить.

Не обращая внимания на капризы Игоревой дочки, я открыл дверь рядом с водительской. И даже галантно прикрыл назад, когда папина принцесса соизволила усадить свой спрятанный под спортивками зад на кожаное сиденье моего BMW. Флисовая ткань скрывала очертания молодого тела, но я помнил, как эта задница ерзала по моим коленям, явно испытывая качество стояка.

Какое-то время мы ехали молча. Начал накрапывать дождь, я включил дворники. Кира старательно смотрела в окно, отодвинувшись как можно дальше к дверям. Напряжённая вся, как будто на экзамене по вождению. Водил я мягко. Давно уже перерос юношеские понты и даже в поездке теперь больше ценил комфорт, чем виражи и скорость.

— Ты чего вдруг притихла, кисточка?

— Дождь скоро, волнуюсь, чтоб успели вернуться до грозы. Сегодня обещали. Успеем же?

Я отвел взгляд от дороги.

— Это предложение поддать газу? Ездить со мной не опаснее, чем летать, Кира. Даже в грозу.

Она не ответила, только снова отвернулась к окну, старательно делая вид, что не заинтересована в беседе.

— Алиса, а включи нам что-то веселое? Что мы в тишине едем? — Дождь набирал обороты, дворники зашуршали по лобовому активнее. Радио пело что-то на современном. Кира молчала. Сменилось две песни, а потом заиграл какой-то весёлый, активный мотивчик и…

Я смотрю, я рассматриваю тебя
Изучаю изгибы твоего тела
Я смотрю, я рассматриваю тебя
Может, слишком открыто, слишком смело...
Я смотрю на тебя, как никто не смотрел
И не будет смотреть в этом правильном мире
Я хочу, как никто никогда не хотел
Где угодно: в машине, подъезде, квартире

Я аж вслушался. Глянул на Киру в зеркало. А у нее кончики ушей пунцовые.

Знаешь, так совсем нельзя
Слабонервные особы могут даже ахнуть
Я хочу тебя... Я хочу тебя...
Я хочу тебя! Хочу тебя!

Мы одновременно потянулись переключить трек. Пальцы столкнулись, меня прошибло током. Кира дернулась скорее убрать руку, но я поймал ее пальцы. Дрожат. Тянет на себя. Не

пускаю. Смотрю не на нее, на дорогу. Рожа кирпичом, как будто ничего не происходит. Снова дёргается. Молча кладу ее ладошку себе на колено и прижимаю сверху своей лапищей, чтоб не свинтила несанкционированно никуда. Ни выше, ни ниже.

— Какая перемена... что за игры, Демид Александрович? Тест на шлюханство я прошла в прошлый раз, пересдача не требуется. Или вы в зачетке расписаться забыли? — А у самой голос как не родной. И глаза по пять копеек.

— Зачётку, Кира, я твою даже не открыл ещё. — Я бросил на нее взгляд и снова вернул невозмутимую рожу, перебирая окаменевшие на колене пальцы. Тоненькие какие. И ногтищи эти. Чую, всадит мне в грудину. Разворотит там все к чертям. И будет, кстати, права.

Глава 17

Кира

Не открыл... Ещё не открыл... ЕЩЁ... Не знаю, то ли я, пребывая в шоковом состоянии, придаю двойное значение словам, то ли мой Эверест и правда говорит с подтекстом?

Думаю, отправить нас вместе в пустой дом, без свидетелей — очень плохая затея. В голове на повторе кружат слова Веры: «если бы ты его хотела, вы бы трахались как кролики, используя любую поверхность для опоры и любой подходящий угол...» Так вот о чем она говорила... ЭТОГО мужика я не хочу мариновать и дня. Я уже представляю, как бы нам было хорошо, реши он остановиться на обочине и пересадить себе на колени, стоит чуть подать сиденье назад и…

Картинки того, как его ладони задирают мне кофту, оглаживают бока и оголяют грудь, спустив тонкую кружевную перегородку, скачут в голове, перемежаются с еще более порочными фантазиями о нас. Горячее возбуждение разливается внизу живота и ухает вниз, между ног мощной волной желания. Хочу его. Как в гребаной песне...

И это он только мою ладонь себе на бедро примостил! Электрический провод. Оголенный и опасный. Вот кто я сейчас. Моя буйная фантазия в тандеме с желанием и провокацией Эвереста может привести к очень страшным последствиям.

Я безотчетно сжимаю пальцами его бедро, чувствуя даже через ткань джинсов, насколько оно горячее и рельефное. Его ладонь поверх моей замирает... на несколько секунд мы как будто оказываемся в вакууме, нет ничего, кроме нас, моей руки и этого спускового крючка. Ответа на все незаданные вопросы и одновременно разрешения на все то, чего мы оба хотим... Но я была бы не я, если бы не попыталась выкрутиться!

— Приехали, верните конечность, Демид Александрович, пульт не работает, видимо, свет отключился, — тяну ладонь из сладкого плена, вертя в другой руке дистанционку, мол, вот, видишь, — придется ручками открывать. А я пока позвоню на охрану.

Демид

Ее рука на моем колене ощущается так правильно и так хорошо… Головой-то я понимаю, что нихера это неправильно. Но, сука, как же хорошо, мать твою. До судороги в пальцах хорошо. Стоит ослабить хватку, и ладошка дёргается.

Попробует вырваться?

Ползет выше.

Губы, сука, против воли изгибаются от ощущения победы и торжества. Внутри борется правильное с отчаянно желаемым. Совесть я давно пропил, но мозги-то раньше не подводили. Я же все понимаю. И про Игоря. И про Татьяну. И про саму Киру. Ну куда ей? Ну потрахаемся, а дальше что? Я женат, у нее жизнь впереди. И отец — мой лучший друг. Да он пристрелит меня на хуй, если узнает! Я б на его месте кастрировал вообще. А потом пристрелил, да.

Но от ее голоса у меня внутри шампанское вместо крови. Как мальчонка несмелый перед первым перепихом. Аж жжет все. И вверху, и в штанах. Сминаю руль, чтобы пальцы не дрожали от желания подвинуть ее ладонь еще повыше. Показать, где ей сейчас самое место. Дождь хлещет в лобовуху. Мне б сосредоточиться, за дорогой следить, а перед глазами только ее лицо. Губы эти. Этим губам бы да достойное применение.

Выйдя из машины, проверяю «голову» и почему не работает пульт. Сука, а дождь уже по-осеннему холодный.

— Дождь косой. Вам трансформатор залило, — вернувшись в машину, сообщаю ей. — Сиди, куда собралась, вымокнешь. — Сам уже промок, а всего-то возился с воротами меньше пары минут. Плюхаюсь мокрым задом на сиденье. Противно чавкает о кожаную обивку. — Твою ж мать.

Небо располосовывает вспышкой молнии, гром как взрывом по округе. Кира аж подпрыгивает. Загоняю машину сразу в гараж. Она смотрит вопросительно, мол, мы ж обратно сейчас. Да хер там сейчас. Сейчас пиздец будет в округе. Только самоубийца в такую погоду сядет рулить.

— У тебя какое-то нездоровое желание убиться в моей компании, Кисточка. Поверь, есть масса куда более приятных совместных занятий. Идем в дом скорее. Замерзнешь.

Похолодало просто в момент. Ветран такой, что косой дождь бьет нам в спину. Прикрываю ее собой, чтобы меньше намокла. От гаража добежать до входной меньше трех минут, но уже у самых ступеней ливануло так, что как будто мне ведро воды за шиворот опрокинули. И Кира вся как мокрая мышь стоит, обтекает.

— Так, марш, давай, в горячий душ и переодеваться. — Еще не хватало, чтоб заболела у меня.

Скидываю хлюпающие ботинки, следом намокшую куртку. — Пойду у бати твоего чего-нибудь одолжу, что ли. До трусов мокрый, хоть выжимай.

Кира

— Ага, бегу, и волосы назад, — бурчу себе под нос, не спеша исполнять приказ Эвереста. — Мы не в армии, Демид Александрович, чтоб я спешила исполнять. — Он меня не слышит, конечно, шлепает куда-то в другую сторону. Я, прошмыгнув мышкой в гостиную, набираю Макса.

— Да, Джокер, ну мы и попали, пиздец! Батя твой на тазике своем охотничьем приехал, хоть кто-то с головой. Мы на «мерсе» мало того, что колесо пробили, так еще и дороги размыло, на «пузо» сели. Тащит нивас ваш, пыхтит, но очень медленно. Ты как?

— Я и Демид Александрович дома, — воровато оглянувшись и не увидев свое искушение, продолжила, — похоже, застряли... тоже.

— И правильно. Он мужик с головой, странно было бы, чтоб решился ехать назад. По прогнозам только завтра к утру и распогодится…

— Макс, но мы же…

— А вот, Кирюха, даже мироздание нас разводит, — Козырь ржет, а я нервно сглатываю. Кого разводит, кого и лбами сталкивает, по такой логике. Тоскливо смотрю в окно на дождь, который и не собирается утихать, наоборот, стало темно-темно, как ночью.

— Я белье надела, красивое… — дразнюсь нагло.

— Так, не понял, что за провокация? — в голосе Макса появляются бархатистые ноты.

— Это чтоб тебе глупости в голову не лезли, о заговоре вселенной.

— Н-да? — подначивает он. — Требую подтверждение.

Прикусив губу, я улыбаюсь:

— Это какое?

— Фотку, конечно. Хоть подрочу, в очередной раз.

— Эй, Мистер правая рука, а я?

— Давай вместе?

— С ума сошел? — шиплю в трубку, но предложение меня неожиданно увлекает. То ли на остаточном возбуждении и адреналине, которым меня накачал Эверест, то ли, наоборот, в попытке его забыть, я соглашаюсь. — У меня никогда не было секса по телефону.

Вообще-то у меня и секса не так чтоб много было. Те потуги и физкультура с первым и единственным Колькой Марковым не в счет. Мы были влюблены и совершенно неопытны. Оба.

— Оу, так я буду твоим первым! — бормочет Козырь. — Давай начнем с фоточки. Хочу увидеть, какой меня подарок ждал. А, нет, лучше, разверни телефон и включи камеру.

— Сейчас? Дай я хотя бы до комнаты дойду.

— Да брось, Гордый, небось, в гараже или шмотки ищет. Подними толстовку, Кир. Дай слюни попускать.

Хихикая, я разворачиваю телефон, включаю камеру и задираю толстовку, демонстрируя Козырю сногсшибательное белье, от которого он должен был меня избавить, снимать и развязывать губами тонкие перемычки, словно распаковывает долгожданный подарок. Впрочем, приблизительно так между нами все бы и было.

— Ммм… — тянет он хрипло, а затем смотрит куда-то мне за спину. — Кир! Там это… Здрасте, Демид Александрович.

Ойкнув, я выключаю камеру и разворачиваюсь, поспешно поправляя толстовку.

— А я это… уже иду в душ, да.

Глава 18

Демид

Прежде чем пойти за сухой одеждой, я проверил входную дверь. Отключил электронные замки, чтобы не оказаться в ловушке, если дождем зальет систему и что-то коротнет в начинке. Возвращаясь в гостиную, был уверен, что не встречу там уже никого, но Игорева пигалица, как весь молодняк, неразлучная со своей мобилой, уже пошла в разнос:

— Да тут кто-то сопляку своему ньюдсы шлёт. Острых ощущений захотелось, значит?

Ну не мог я промолчать. Так это выбесило, пиздец просто. Мое колено еще помнило тепло ее руки, а я отлично помнил, как несмело она ползла вверх по бедру. Чтобы что? Через пять минут оголяться перед своим Козырем?!

— Что поделать, свидание с парнем безнадежно испорчено, — поспешно отключившись, Кира попыталась привычно скрыть смущение за наглостью. Как бесила эта ее манера вечно мне хамить! С каждым днем все больше хочется отходить ее по заднице. Может, стоило бы?

— Тебе посочувствовать? — Я сложил руки на груди, демонстративно изучая взглядом то, что она только что так щедро демонстрировала своему сладенькому мальчику.

— Если это искренне, то почему бы и нет? — Смарт скользнул в карман спортивок, натянул ткань и подсветил изгиб бедра. — Сочувствуете?

— Очень. Веришь?

Она изогнула бровь, вытянула губы, не подозревая даже, как именно сейчас я близок к тому, чтобы кинуться на нее и терзать их жадными поцелуями.

— Верю, конечно.

Я подошел ближе. Так близко, что ощущал тепло ее тела и толстую ткань спортивной одежки. Наклонился, чтобы глаза наши оказались на одном уровне. Кира замерла, перестала дышать и чуть заметно подалась вперед.

— Зря, — шепнул, отстраняясь.

Любишь дразнить тигра, а сама быть поддразниваемой нет?

— Да я уже поняла, что вообще, по всем фронтам, со сплошными изъянами, спасибо. Пардоньте, что пришлось стать свидетелем непотребства. Ну, я пойду, да? Душ там, все дела, сухая одежка... Вы, кстати, себе сменку нашли? Как вернусь, можем приготовить что-то из той необъятной мясной кастрюли, раз уж куковать нам здесь до утра. Или, как думаете, может, все же пройдет?

Тараторка. Я знал, что близость со мной выбила ее из колеи. Кира всегда болтала много лишнего, когда нервничала. И, скорее всего, не подозревала, что я давно просчитал за ней такой грешок.

Выдаешь себя с потрохами, кисточка.

— Ну если ты обучена, то можешь и приготовить. — Я облизнулся, думая вообще не о том мясе и ужине, на который она намекала. — Или ты предлагаешь за тобой ПОУХАЖИВАТЬ?

Кира сглотнула. Так громко, так отчетливо… Этот звук прошелся наждачкой по напряженным нервам. Сука, почему среди всех баб в мире меня так коротит именно с этой? С малолетки. С Игоревой дочки. У нас и тем-то нет общих для беседы, кроме как батя ее. Да о чем с ней говорить-то?

Впрочем, говорить я с ней не планировал.

— Ооо, нет. Что вы, Демид Александрович, — бессовестная пигалица снова щедро влила в тон яду. — Я ничего не предлагаю. Куда уж мне до вас, чтоб вы, да за мной?! Пф... Как-нибудь справлюсь. В холодильнике есть колбаса, сыр, яйца, овощи. Уж что-то перекусить найду. Вы только сразу обрисуйте наше соседство. Мне свинтить в туман и не отсвечивать до завтра?

— В душ иди, я велел.

Она сморгнула. Явно разочарованная, что ее долгая речь никак меня не проняла. Вздохнула и повернулась ко мне спиной. Неужели снизошла до послушания?

— Ах да, кисточка. — Замерла, не оборачиваясь. Я усмехнулся. — Ты в комнате сексом по телефону не балуйся. Там твой батя камеры поставил. Следит, чтоб ты своему Козырю раньше времени не дала. — Кира обернулась, чуть не свалившись с лестницы. Вцепилась в перила, глаза выпучила. Довольный ее шоком, я с улыбкой добил: — Но если будешь хорошей девочкой, покажу, где слепая зона.

— Вообще-то это нарушение личного пространства. Если я там не по телефону, а здоровья для и самоудовлетворения? За это можно и в суд подать вообще-то! Смотреть за тем, как дочь мастурбирует, фу. — А сама раскраснелась, чуть не пунцовая.

— Нельзя, Кира. На твоего батю нельзя. И ты прекрасно это понимаешь, не маленькая. В душ иди. Зубами уже чечетку выбиваешь. И да, Кир. Через камеру так себе удовольствие.

Ну не сдержался, сука. Как представлю, что она будет ножки свои в камеру раздвигать и ласкать себя. Стонать, чтобы этот сопляк слышал. Губы закусывать…

— Да? А вы, значит, опытный? Так, может, мастер-класс тогда покажите. Удостовериться чтоб, что так себе.

Ах ты ж сопля. Провоцируешь, значит?

Я взялся за ремень на брюках и принялся его расстёгивать, глядя ей в глаза.

— Я вообще-то о сексе по телефону говорила… — вскинулась-то как! Глазищи — как циферблат настенных часов. — Или вы мне по жопе надавать вдруг решили? В воспитательных целях? Как будто поздно уже, Демид Александрович.

Что? Испугалась, девочка? Чего ж у тебя зрачки во всю радужку, да пальцы на перилах сжались, аж побелели?

— Ты хотела посмотреть не на экране, кисточка. Передумала?

— Ха! На слабо берете? — Сложив руки под грудью, она уселась на ступеньку, приготовившись наблюдать. — Жгите, Демид Александрович.

Я невозмутимо вытянул из шлёвок ремень, расстегнул и снял рубашку. Избавился от штанов. Подошел к лестнице, встав к ней вплотную.

— Ты только смотреть будешь? Или потрогать тоже хочется?

Глава 19

— Ну ничего себе... демонстрация. — Кира замерла, облизнула губы. Мне тоже хотелось облизнуть. Ее. Желательно всю. Мокрые после дождя, холодные руки легли мне на бедра. Мышцы тут же напряглись, демонстрируя моментальный эффект. Я уж и не планировал таиться особо. Все всем ясно как день. Кира неуверенно, изучающе скользнула по белой кромке моих боксеров, соскользнув с резинки, провела пальцами по темной дорожке волос вверх к пупку, обвела его пальчиком и вновь спустилась вниз. Я молча смотрел на ее лицо, наблюдал за тем, как в глазах что-то меняется, как белые зубки накусывают пухлую, влажную теперь губу.

— А я... — Кира занесла большой палец над головкой, как будто собиралась погладить стояк, отчетливо натянувший трусы. Я замер. Даже дышать перестал в ожидании. — …не умею, хоть, может, и не против потрогать. — Отодвинувшись, кисточка оперлась локтями на ступеньку выше. — Это ж вы у нас на опыте. Научите? А то я только смотреть, да.

Вот же змея малолетняя. В крови у них это, что ли?

Как завороженный смотрю на кончик языка. Пронырливый, юркий, скользит по губам, аж дыхалка сдалась, как у курильщика со стажем. Впрочем, я ж он и есть. Со стажем.

И вроде все уж давно перепробовал всякое. Всяких. Столько, что уже хер чем удивишь. А эта только глазками своими бездонными пошаркала вдоль резинки трусов, пальцами повозилась по каменному, сука, животу и все. Колом стоит. Хоть ты им дрова руби.

— Оно и видно, что не умеешь. — Разлеглась, довольная. Чешет свое самомнение, что развела на слабо.

Эх ты, на опыте…

— Ты только что вылезла из слепой зоны, кисточка. Я б на твоём месте тут поостерегся возлежать. Чего, кстати, разлеглась-то? Я вообще шел в сухое одеться. А ты в душ, забыла?

Столько у нее эмоций на лице в тот момент пролетело, сколько у меня за жизнь не было в запасе.

Как же хотелось дёрнуть ее на себя, вжать в стену и показать, как там на опыте. И для здоровья, и для удовольствия разом. Тут даже ни одна камера не зацепит эти две ступеньки. Нам бы хватило для маневра. Много, что ли, надо, умеючи. Но я только махнул головой, чтоб поднималась и шагала в свою комнату. От меня и греха подальше.

Потрогать ей, ишь. Научите…

Так, сука, хотелось научить, аж все судорогой свело, как хотелось. Что меня удержало, сам не знаю. Остатки совести? Тот факт, что мы в прихожей, на лестнице и бог весть, кто может зайти? Логика, что ли? Сухой расчет спас, как всегда, в трудный час?

А сам как представлю ее тело под струями воды… Ведь точно сейчас пальцы между ног себе засунет. Как об этом не думать?

— Ты там поаккуратнее со здоровьем, кисточка. В душе камер нету, но скользко. На стеночку облокотись, не забудь, а то ведь грохнешься, приду спасать.

— А как же научить, Демид Александрович? Или это и был урок? Показывать не по видеосвязи, а контактно? Учту, спасибо! Кстати, вы в хорошей форме. Молодец какой…

Кира

Вот теперь я могу точно понять тех, кто, сравнивая себя с кастрюлькой, говорит, что надо вовремя поднять крышечку... внутри меня кипит... неясное... Порочное, темное, дикое. Все демоны во мне танцуют джигу и подначивают, а тоненький голос разума или совести загнан в темную кладовую, в самый пыльный угол. Но все вопросы, будь то «А как же Козырь?» или

«Что скажут родители?» и даже самый скверный «А как же его жена?» меня не трогают. Особенно последний. Они с Танькой давно и регулярно наставляют друг другу рога. Все об этом знают... то, что на месте очередной девчонки могу быть я, ничего не изменит...

Торможу у зеркала в собственной комнате.

— Ты слышишь себя, Кира? — Сорвав толстовку, рассматриваю собственные острые, возбужденные соски. Следом зло стягиваю штаны и остаюсь в одном белье. В трусах — потоп, кожу мурашит неудовлетворенным, но все еще раскаленным желанием. Я ныряю в собственный расширившийся зрачок. — Это все должно было достаться другому мужику. Ты не подстилка Эвереста. — Я пытаюсь с собой торговаться, и это невероятно злит.

— Я не очередная давалка-Наташка, возомнил себе хер пойми что. Играет в кошки-мышки. Надоело, — бурчу себе под нос рассерженной кошкой. — Похрен на ужин, моя компания на сегодня: «Нетфликс», чай и подушка с одеялком. Пережидайте дождь сами, Демид Александрович. Для нашего общего блага. А завтра, — сжав полотенце, я нервно сглотнула, стукнувшись лбом о дверь ванной, с силой стиснула ноги, между ними все еще горело и сжималось в предвкушении ласк, — завтра я сменю плоскость наших с Максом отношений, и вы останетесь только в моих влажных и недосягаемых мечтах.

Глава 20

Демид

Я огляделся в гардеробной Сергеева. Открыл шкаф. Поморщился. В штанах барабаном стучало сердце.

Сука…

Сердце… Я и забыл, что оно есть. Думал, когда латали после очередного ранения, вынули на хер за ненадобностью. А вот. Бьётся, аж дышать тяжело, как после марш-броска в полной выкладке.

И ОНА перед глазами. Язык бесстыжий, губы ненапомаженные. Такие свежие. Сочные настолько, что пересохло все во рту от жажды. Впиться бы в них до беспамятства.

Тянусь к спортивкам на полке. Да на хер мне! Меньше всего хочу ей батьку напоминать. Надо бы. Правильно это. Чтобы эти спортивки как стена между нами. А рука не поднимается. Зло захлопываю шкаф и выхожу из Игоревой комнаты, как был, в трусах.

Я знаю, где спальня Киры. Я весь этот дом знаю. Собственными руками безопаску ставил. Игорь после недавнего покушения (семье он не сказал) совсем свинтил с катушек. Никому не доверяет. Лично всё заставил ручками перебрать. Я всегда знал, что учиться на все эти компьютерные хуевины он меня не просто так вынудил. Мол, ну что мне ещё в отставке делать, а это перспективно: та же безопасность, но на высшем уровне.

Открыл дверь.

Пусто. Вода не льется. Шмотки влажные на полу валяются. И сразу в голове слова ее, что прикупила бельишко для сопляка своего, а я на воображение никогда не жаловался. И следилок в ванной нет…

Торгуюсь с совестью, как будто в первый раз продал ее. Сколько уж раз договаривался. Одним больше, одним меньше. Нет больше правильного, честного Гордого. Проебана честь прикрытием взяток да помощью «по дружбе».

Дёргаю дверь на себя — не заперто.

Дуреха ты, Кисточка. Надо было забаррикадировать ее.

Падает прямо мне в руки. Видать, прислонилась не вовремя, а тут я. Тараню ее телом внутрь, ближе к душевой, закрываю за собой дверь. Щелчок.

Ну вот ты и попалась.

Дыхалка срывается как после бега. Разворачиваю резко ее к себе спиной, прижав плотнее распластанной на голом, плоском животе лапищей.

Дрожит вся, как бывает после боя, когда шарахнуло адреналином и никак отойти не можешь. И дышит так же.

— Ты ведь научить приглашала, кажется. Не в первый раз просишь ведь.

Ловлю ее ладонь в свою. Кладу на ее голое бедро. Сам не касаюсь. Только ее руки по ее же телу. И моя ладонь грузом сверху. Медленно веду вверх. Изгиб бедра, как первая покоренная вершина. Аппетитная грудь распирает тонкое чёрное кружево лифчика, пики сосков торчат дулами. Смертельно опасное оружие.

Наши сцепленные руки миновали уже резинку трусиков на бедре, съехали на талию. Кира вздрогнула, втянула живот, я сильнее вжал ее в себя, вынуждая скользить рукой по рёбрам до лифчика. Она заерзала, нетерпеливо, я сжал зубы, чтобы не выругаться. Мы как раз добрались до груди. Сжал ладонь, заставляя Киру своими пальцами под моей ладонью смять упругую, сочную, зовущую согрешить грудь. Развел пальцы ей, чтобы втиснуть между ними плотную

горошину соска. Сильно. Она аж дернулась и зашипела, схватила второй рукой меня за бедро, я тут же перехватил ее и уложил ей на живот.

И замер. Одна рука на груди, со смятым соском, вторая на каменном животе. Слушаю, как дышит тяжело. Как дёргает бедрами. Ухмыляюсь.

Вот так, девочка.

Хватило бы у твоего сопляка терпения даже не коснуться?

Знаешь, как хочется? Как будто лопну сейчас.

Выдержав эту мучительную паузу, заставляю ее скользить по кружеву трусов. Порывалась сразу нырнуть под резинку, но я не дал.

Что ж ты торопливая такая?

Не зря же красивое белье покупала, давай хоть потрогаем его. Насладимся, что ли… А трусы мокрые насквозь.

Наши ладони, друг на друге, будто сами уже без нас сношаются, скользят между сжатых бедер. Кира дрожит так, что и меня колотит от ее тремора. И каждый сиплый вдох лезвием по сознанию.

Чувствую, что хмелею. Я бы сам, этой вот рукой. Своей… но нет.

Мы же договорились на научить, верно?

Заставляю выпустить сосок, поддеть край кружева. Грудь тут же выпрыгивает наружу.

Хватаю воздух, как первый раз после ИВЛ своими лёгкими вдохнул.

Мы вместе ласкаем сосок. Обводим его пальцами. Я сам даже не касаюсь ее тела нигде, кроме ладони, а уже бухой совершенно. Перед глазами плывет.

Кира дёргает руку, застывшую на трусах. Давлю сильнее, не позволяя двигать ею.

Тереблю сосок ее пальцами, а сам шепчу на ухо:

— А потом мы залезем тебе в трусики и так же сделаем там, да, девочка?

Она начинает тереться пахом о свою ладошку. Я заставляю ее убрать, и Кира скулит, недовольно, жалобно.

Вот так.

Теперь назад дороги нет.

Наклонившись через плечо, дую сверху на сосок. Дёргается, розовый кругляш вокруг покрывается мурашками. Бедра ходуном ходят. Как бритвой по нервам. Укладываю обе руки ей на живот, заставляя затихнуть.

Какая торопыжка, а?

Разве так наслаждаются чем-то вкусным? Покидал в себя наскоряк и все? Нам куда торопиться?

Поняв, что мы не продолжим, пока не станет послушной, Кира со вздохом затихает.

— Хорошая девочка.

Снова ползем обеими руками к груди, покоряем эти вершины. Цепляем соски ладонью, не останавливаясь, по ключицам к шее, по скулам. Проталкиваю в приоткрытый на выдохе рот пальчик.

Тебе же нравилось сосать? Давай. Послушно смыкает на нем губы, пока второй рукой мы снова возвращаемся к груди. Чувствую, что ее штормит совсем.

Я бы сейчас отодвинул кромку трусов да так бы толкнулся в нее, влажную, согласную и готовую на все. Но мы договаривались на научить... А толку учить пользоваться агрегатом, которого не имеешь под рукой?

— Сама. — Положив ее ладонь на грудь, чуть убираю давление и позволяю продемонстрировать, чему научилась. Она со стоном мнет себя. Моя ладонь мягко лежит поверх ее. И это пиздец как хорошо.

Смотреть, как она трогает себя, как сосет палец, чувствовать, как ёрзает по моему каменному стояку. Вспоминает, что нельзя, стоит чуть толкнуть ее бедрами. Замирает ненадолго, потом снова срывается и ёрзает задом.

Давлю ей пальцем на зубы, послушно раскрывает рот, заталкиваю второй.

— И так мы тоже сделаем в трусиках, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.